

ГОДЪ V-й

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Январь

1900 годъ.

«Якоже посла Мя Отець, и Азь посылаю вы». Иоанн. XX, 21.

«Идите паче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева». Матт. X. 6.

«Скорбь ми есть велия по братіи моей». Римл. IX, 1—3.

БИБЛИОТЕКА
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комяревъ. Лесной, 136.
ОТД. 1900. №
XII
КНВ. № 69116

Поэтому стремленія штундистовъ, на основаніи однихъ принятыхъ ими внѣшнихъ признаковъ, усвоить себѣ имя баптистовъ, съ цѣлью пріобрѣтенія правъ, закономъ усвоенныхъ нѣмецкой сектѣ (баптизму), не только не основательны, но прямо таки и противозаконны, ибо отрываютъ ихъ отъ роднаго православія и вносятъ смуту въ сознаніе русскаго народа, являются посягательствомъ на цѣлость православной Церкви и единство русской народности и стоятъ въ полномъ противорѣчій съ волей Государя Императора, такъ недавно выраженной въ знаменательныхъ словахъ: «Русскіе же люди искони были и будутъ православными и вмѣстѣ съ Царемъ своимъ и Царицей выше всего чтуть и любятъ родную православную Церковь». Посему законъ 1879 года, имѣющій въ виду нѣмцевъ—колонистовъ, не долженъ распространяться на русскихъ штундистовъ; эти же послѣдніе должны всецѣло подчиняться закону 1894 года, признающему штунду вредной въ государствѣ сектой.

Надѣмся, что затронутый нами вопросъ—не праздный: онъ имѣетъ весьма важное значеніе въ практическомъ отношеніи; правильнымъ рѣшеніемъ его прежде всего опредѣляется *правовое положеніе* сектантовъ-штундистовъ въ нашемъ государствѣ. Въ силу этого и наука сектовѣденія должна къ нему отнести со всей серьезностью и объективностью.

П. Козицкій.

Церковно-государственныя воззрѣнія Митрополита Филарета (Дроздова) на расколь и секты.

Сужденія м. Филарета о вѣротерпимости и свободѣ исповѣданій, о взаимоотношеніи церкви и государства, о необходимости огражденія господствующей церкви. Церковно-государственная точка зрѣнія на расколь и причины его упорства.

Высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ давно признанъ столпомъ и утвержденіемъ Россійской Церкви своего времени. Его сужденія по всѣмъ вопросамъ цѣнятся нынѣ и изучаются, не только какъ мудрыя многоцѣвныя справки, но и какъ путеводные верстовые столбы для и утководителей нашего туманнаго времени, не твердо знающихъ прямая дороги нашей и церковной, и государственной исторіи. Ничто такъ густо не окутано въ наше время туманомъ трескучаго либерализма, какъ вопросы о мѣрахъ борьбы съ расколомъ и сектами объ иновѣрїи, инородчествѣ и проч. Вотъ почему представляется и благовремен-

нымъ и полезнымъ посмотрѣть и вдуматься, какъ мыслить о семъ великій церковно-государственный человекъ своего вѣка. Воззрѣнія святителя Филарета по вопросу о расколѣ и сектахъ и о мѣрахъ борьбы съ ними стоять въ тѣсной зависимости отъ представленій его о той степени вреда, какую наносятъ расколъ и его секты церковно-государственному благу, имѣющему, по его мнѣнію, главную опору свою въ соблюденіи неприкосновенности *принципа церковно-государственнаго единства въ Россіи*. Выражая свое мнѣніе по вопросу о томъ, какъ должны быть раздѣлены передъ закономъ расколы и секты, митрополитъ Филаретъ, между прочимъ, писалъ, что «законъ долженъ смотрѣть на расколъ и секты частію съ церковной точки зрѣнія, потому что православная государственная власть должна охранять господствующее въ государствѣ православное вѣроисповѣданіе, но ближе съ государственной точки зрѣнія, поколику государство должно благоустроить и охранять само себя 1)». Этимъ же убѣжденіемъ митрополита Филарета въ томъ, что залогомъ процвѣтанія церкви православной и государства русскаго служить охраненіе принципа церковно-государственнаго единства, обусловливается и общій взглядъ митрополита Филарета на вѣротерпимость, или на ту мѣру свободы вѣроисповѣданія, которая можетъ быть примѣнена въ русскомъ государствѣ къ расколу и различнымъ еретическимъ сектамъ и фракціямъ.

Касаясь вопроса объ отношеніи церкви къ государству, святитель не разбираетъ какихъ либо юридическихъ теорій относительно этого предмета, но разсматриваетъ только ту форму отношеній церкви къ государству, практическое осуществленіи которой онъ желалъ видѣть. Эта форма есть *тѣсный союзъ* или, какъ выражается святитель, *единство и гармонія* 2) *церкви и государства*. Такой тѣсный союзъ церкви и государства митрополитъ Филаретъ признавалъ не только полезнымъ для той и другой стороны, но и наиболѣе соответствующимъ существу природы двухъ институтовъ—церковнаго и государственнаго. «Да, есть въ томъ польза, говоритъ святитель въ одной изъ своихъ проповѣдей, *когда алтарь и престолъ союзны*: но не взаимная польза есть первое основаніе союза ихъ, а самостоятельная истина, поддерживающая тотъ и другой». 3) Какъ слѣдствіе

1) Собр. мнѣній и отзыв. по церк. госуд. вопр. V, ч. 2-ая, 555 стр.

2) Собраніе мн. и отзывовъ, т. V, ч. 2-ая, стр. 556.

3) Государственное ученіе Филарета митрополита московскаго, 2-е изд. Москва, 1885 г., 42 стр.

союза съ церковью, у христіанскаго государства должны появиться, по мнѣнію Филарета, въ числѣ другихъ его обязанностей по отношенію къ церкви, и обязанность охраны и защиты церкви ¹⁾, затѣмъ — попечительства о внѣшнемъ благѣ ея ²⁾ и, наконецъ, покровительства ей въ сравненіи съ другими вѣроисповѣданіями. ³⁾ Лучшихъ отношеній между церковью и государствомъ митрополитъ Филаретъ не желалъ видѣть и въ Россіи. И такъ какъ указанная типическія черты отношеній государства къ церкви были всецѣло воплощены въ Россіи, то митрополитъ Филаретъ неоднократно высказывалъ имъ свое одобреніе. «Въ Россіи, говоритъ онъ, по благодати Божіей, православная церковь и государство состояли и состоятъ въ единеніи и согласіи, не нарушаемомъ никакими временно противорѣчащими воззрѣніями, какими нерѣдко затрудняютъ другъ друга церковь и государство у многихъ другихъ народовъ христіанскихъ» ⁴⁾ Единственнымъ блюстителемъ гармоніи и единства отношеній между церковью и государствомъ въ Россіи, основанныхъ на обоюдной взаимопомощи, является, по представленію святителя, Государь. Отношеніе Государя къ церкви должно состоять въ томъ, что онъ, какъ избранникъ и помазанникъ Божій, обязанъ быть защитникомъ церкви. ⁵⁾ «Россія есть единственное государство въ Европѣ, въ которомъ и правительство, и народъ вполнѣ признаютъ, что «нѣсть власть, аще не отъ Бога». Государь всю законность свою получаетъ отъ церковнаго помазанія, изъ чего вытекаетъ, что положеніе церкви и отношеніе ея къ государственной власти не сходно съ положеніемъ церквей въ государствахъ католическихъ и протестантскихъ: ⁶⁾ Царь есть природный защитникъ и покровитель церкви православной». ⁷⁾ Въ словѣ, произнесенномъ въ день коронаціи Императора Александра II, м. Филаретъ такъ представляетъ отношеніе къ церкви Монарха, Богомъ вѣнчаннаго на царство: «Свѣтло возрадуйся, православная церковь, молитвенно взываетъ святитель, и твоя соборная молитва вѣры, любви и благодарности да восходитъ къ

¹⁾ Собран. мн. и отз., т. V; ч. 2-я, 605, 555 стр.

²⁾ Тамъ же, IV т., 29 стр.

³⁾ Тамъ же, V т., 1-я ч., 238, 251 стр.; ч. 2-я, 601 стр.

⁴⁾ Собр. мн. и отз., т. V, ч. 1-я, 495 стр.; ср. ч. 2-я, 556 стр. и письма къ высоч. особамъ, ч. 1-я, 3-я стр.

⁵⁾ Собр. мн. и отз., т. V, ч. 1-я, стр. 362; ср. письма къ высоч. особамъ ч. 1, стр. 3-я.

⁶⁾ Собр. мн. и отз. V, I, 362 стр.

⁷⁾ Собр. мн. и отз. V, I, 362 стр.

престолу Всевышняго, когда Онъ на избранное отъ людей своихъ полагаетъ печать своего избранія, какъ на вождельнаго первенца твоихъ сыновъ, на твоего вѣрнаго и крѣпкаго защитника, на преемственнаго исполнителя древняго о тебѣ слова судьбы: «будутъ царіе кормители твои». (Ис. 49, 22). ¹⁾ Тѣсный союзъ алтаря и престола, церкви и государства и обоюдная польза, проистекающая отсюда для того и другого института, по мнѣнію м. Филарета, служить достаточнымъ основаниемъ для того, чтобы устранять всякую мысль о проведеніи на практикѣ принципа полной свободы вѣроисповѣданія. Митрополитъ Филаретъ находилъ неудобнымъ примѣнять въ церкви полную свободу вѣроисповѣданія или, по выраженію его, «избыточествующую вѣротерпимость». ²⁾ Мысль о вѣротерпимости онъ называлъ «благовидною, но только справедливою тогда, когда вѣрно и точно опредѣлены ея предметъ и предѣлы» ³⁾. Вѣротерпимость, по Филарету, прежде всего, *не есть свобода пропаганды*. Характеръ православно-христіанской вѣротерпимости онъ такъ опредѣляетъ: «наша церковь—единая, истинная, апостольская церковь, всѣ прочія христіанскія и философскія вѣрованія признаетъ за расколъ и ереси. Свобода обращать отънынѣ въ Россіи нехристіанскія племена въ то или другое вѣроисповѣданіе рушитъ основное ученіе православной, грекороссійской, восточной, истинно-Христовой церкви: эта мѣра, *не скажу терпимости, а безвѣрія... упрочить, усилить и вновь породить расколы*. ⁴⁾ Терпимость, значить, *не согласіе на «всесообщенія», не признаніе ересей*, а только «отсутствіе гоненій, допущеніе ино-вѣрцамъ пребывать въ своей природной религіи, коснѣть въ заблужденіяхъ: доколѣ не озаритъ ихъ свѣтъ благодати,—кваскеръ ли это или еврей, гернгутеръ или мусульманинъ, папешникъ или язычникъ» ⁵⁾.

Терпимость, по мысли Святителя, должна быть ограничиваема «справедливостью и осторожностью». ⁶⁾ То начало, что въ дѣлѣ

¹⁾ Госуд. уч. Филарета, 126 стр.; см. о томъ же въ письмахъ къ Высоч. особамъ, ч. I, 11 стр.

²⁾ Собр. мн. и отв., III т., 296, 293 стр.

³⁾ Тамъ же, IV, 330 стр.

⁴⁾ Святитель здѣсь имѣетъ въ виду распоряженіе кавказскаго комитета дозволившаго въ 1860 году инославнымъ миссіонерамъ обращать въ свое исповѣданіе язычниковъ, проживающихъ на Кавказѣ.

⁵⁾ Собр. мн. и отв., IV, 557—558 стр.

⁶⁾ Тамъ же, III, 216, ср. 293 стр.

вѣры и совѣсти всякое принужденіе должно быть устранено... по требованіямъ справедливости..., подлежить исключеніямъ, когда касается совѣсти погрѣшительной, какъ напр. христіанскіе греческіе императоры, конечно, не согрѣшали, когда повелѣвали разрушать языческіе храмы и строго запрещали жертвоприношенія, не совѣщаясь съ язычниками о дѣлѣ, касающемся языческой вѣры и совѣсти). Христіанской кротости свойственно оказывать терпимость разномыслящимъ, но осторожность должна опредѣлить мѣру терпимости. Добро можетъ оказать терпимость злу, но зло не окажетъ терпимости добру. Слѣдственно, оказывать чрезмѣрную терпимость злу значитъ подавать ему орудіе противъ добра 2). «Если въ госудрствѣ, разсуждаетъ м. Филаретъ, самая широкая свобода ограничивается закономъ, охраняющимъ цѣлость государства и безопасность его членовъ; меньше ли необходимо, чтобы свобода вѣрованія была ограничиваема законами, охраняющими цѣлость церкви и безопасность мирныхъ ея членовъ» 3).

Всѣ указанная соображенія приводятъ къ мысли объ охраненіи православнаго вѣроисповѣданія, каковая мысль, по убѣжденію м. Филарета, должна стоять выше мысли о вѣротерпимости и помогать ей предѣлы 4). Поэтому то Святитель въ 1865 году и выражалъ свое неудовольствіе по поводу того, что «для многихъ новыя благозвучныя слова: свобода вѣрованія,—заглушаютъ старую строгую мысль: охраненіе вѣрованія» 5). Охраненіе православной вѣры со стороны православнаго государства онъ считалъ «кореннымъ правиломъ, отъ начала существующимъ» 6).

«Со времени равноапостольнаго Канстантина, писалъ митрополитъ въ 1866 году къ преосвященному Алексію, впоследствии архіепископу Тверскому, — государственная власть ограждала миръ церкви оплотомъ государственныхъ законовъ. Потомъ, когда въ Римѣ государственная власть ослабѣла, папы вздумали, не довольствуясь оборонительною помощью государства, наступательно дѣйствовать на государство и слишкомъ много въ семъ успѣли. Наконецъ, возникло противодѣйствіе, и государства, уси-

1) Тамъ же, III, 251 стр.

2) Тамъ же, т. V, ч. 2-я, 594 стр.

3) Тамъ же, стр., 742.

4) Собр. мн. и отв., IV т., стр. 330—331.

5) Тамъ же, V т., 2 ч., 742 стр.

6) Тамъ же, IV, 469 стр.

ливаясь свергнуть папское иго, начали разрушать и охранительныя для церкви оплоты. Предубѣжденные въ пользу западной образованности перенесли такое дѣйствованіе и туда, гдѣ церковь никогда не отягощала государства, а всегда помогала ему»¹⁾.

Таковы сужденія м. Филарета о свободѣ вѣроисповѣданія и объ охраненіи господствующей въ Россіи православной вѣры.

Что же такое расколъ по воззрѣніямъ митрополита Филарета, и какое его значеніе? Современный расколъ, по воззрѣніямъ московскаго Святителя, — церковно-государственное явленіе по своему значенію, хотя онъ родился и возросъ на церковной почвѣ. Въ прежнія времена (писаль онъ въ 1851 году, въ отвѣтъ на вопросъ о значеніи раскола въ россійскомъ государствѣ) расколъ имѣлъ значеніе преимущественно церковное, и въ глазахъ Императрицы Екатерины II раскольники еще могли казаться болѣе смѣшными или жалкими, чѣмъ опасными. Но въ настоящее время расколъ имѣетъ важное значеніе преимущественно въ гражданскомъ²⁾ отношеніи. И въ томъ, и другомъ отношеніи *жъ есть «болѣзнь», «зло», «язва»,* непрестанно все болѣе и болѣе распространяющіяся и требующія неотложнаго и серьезнаго прачеванія³⁾. Но то, что должно быть почитаемо наиболѣе осудительнымъ и вреднымъ въ расколникахъ, это есть ихъ отчужденіе отъ церкви и мятежное противъ нея расположеніе⁴⁾. *Ибо что такое расколъ съ церковной точки зрѣнія?* Отложившаяся, поврежденная отрасль господствующаго вѣроисповѣданія, къ которому всѣ раскольники совершенно принадлежали прежде въ своихъ предкахъ⁵⁾; «общество людей, которое вслѣдствіе давно возникшихъ распрей и усиленно изысканныхъ сомнѣній о вселенской православной церкви само себя поставило въ отчужденіе отъ вселенской православной церкви»⁶⁾. Разорвавъ союзъ съ единой Святой соборной и апостольскою церковью и за это вполнѣ справедливо отторгнутые ею, «раскольники вздумали созидать какую-то иную, которой основаніемъ и подпорами служатъ бѣ-

¹⁾ Письма къ архіеп. тверек. Алексію, 268—269 стр.

²⁾ С бр. мн. и отз., IV т., 297 стр.

³⁾ Тамъ же, 297 стр.

⁴⁾ Тамъ же, 159 стр.

⁵⁾ Собр. мн. и отз. II, 373 стр.; III, 63 стр.

⁶⁾ Тамъ же, V, 289 стр.

глецы священства и самопоставленные наставники, никѣмъ никогда не посвященные». Такимъ образомъ, нынѣ существующія церкви раскольническія—«самовольныя и самодѣльныя построения, воздвигнутыя во враждѣ къ православной церкви, врата адовы, на прельщеніе невѣдущихъ малымъ подобіемъ церкви украшенныя» 1).—При такомъ характерѣ расколъ, очевидно, великое зло, такъ какъ въ своихъ сѣтяхъ держитъ «тысячи несчастныхъ, отчуждая ихъ отъ церкви, ведущей ко спасенію» 2), о которыхъ каждый глубоко вѣрующій долженъ глубоко сожалѣть. Но еще большее зло раскола заключается, по мнѣнію Филарета, въ ея отношеніи къ православной церкви. Родившись отъ невиновеніе къ ней и отъ вражды съ нею, расколъ ненавидитъ ее до сихъ поръ, какъ въ первое время своего существованія. Ненависть эта выражается, между прочимъ, и въ тѣхъ названіяхъ, которыя раскольники даютъ церкви православной: они называютъ ее «никоновскою», «еретическою» и «антихристовою». Главная причина этой ненависти та, что основное свое свойство—безблагодатное состояніе—самочинныя раскольническія церкви переносятъ на православную церковь и стремятся стать на ея мѣсто, въ качествѣ истинной и христовой церкви,—это истинная завѣтная мечта. Отсюда усиленная, вполне беззаконная пропаганда раскола среди православныхъ, безъ которой расколъ, можетъ быть, уже давно прекратилъ бы свое существованіе. Такимъ образомъ, православіе и расколъ по самому существу своему такъ противоположны другъ другу, что существованіе и ростъ одного могутъ совершаться только на счетъ и въ ущербъ другому 3). Въ этомъ отношеніи «расколъ, говоритъ митрополитъ Филаретъ, не можетъ идти въ сравненіи съ терпимыми въ Россіи исповѣданіями: они не касаются кореннаго русскаго православнаго населенія. Напротивъ того, раскольники по духу своего прозелитизма, никогда не разграничаются съ православными. Оттого существуетъ значительное число колеблющихся между православіемъ и расколомъ» 4). Такой исключительный, враждебный по отношенію къ православной церкви, характеръ раскола, а равно и весь вредъ его для православія ясно обнаруживается, по взгляду митрополита Филарета, въ спо-

1) Собр. мн. и отз. II, 410—411 стр.

2) Тамъ же, IV т., 299 стр.

3) Собр. мн. и отз., т. допол., 463 стр.

4) Тамъ же, 463. 465 стр.

собахъ его распространія. Расколъ, по его мнѣнію, болѣе и болѣе распространяется не силою какихъ-либо внутреннихъ своихъ достоинствъ, но потому, отчасти, что очень благоприятна почва для его развитія въ средѣ малообразованнаго православнаго люда, а главное потому, что для многихъ или очень заманчиво выгодно его сѣти или непосильна борьба съ нимъ. «Расколъ не имѣетъ ума и чувства, чтобы жить ими», и въ раскольникахъ вообще «мало имѣетъ силы религиозное убѣжденіе, поелику сила сужденія мало въ немъ раскрыта и образована». «Дикое растеніе самочиннаго невѣдѣнія» по своему происхожденію — расколъ и въ настоящее время держится и питается невѣдѣніемъ. «При собственномъ невѣжествѣ, раскольники пользуются невѣдѣніемъ православныхъ для совращенія ихъ въ расколъ», такъ какъ «для безграмотнаго крестьянина довольно двухъ словъ: «старая вѣра», чтобы совратить его съ церковнаго пути. Опроверженіе сихъ словъ не такъ просто, а потому не такъ легко производить впечатлѣніе» ¹⁾. Этимъ объясняется, что «между крестьянами и мѣщанами и особенно ихъ жнами есть многіе, которые держатся раскола; но между купцами и особенно молодыми весьма немногіе вѣруютъ въ расколъ, но остаются въ немъ или по выгодамъ, или по склонности къ своеволю, дозволенному ихъ лжевѣрованіемъ, или изъ опасенія преслѣдованія могущественнѣйшихъ старшинъ» ²⁾. Послѣдній способъ — насильственнаго удержанія въ расколѣ бывшихъ его приверженцевъ весьма часто практикуется руководителями раскольнической общины.

«Есть много несчастныхъ, говоритъ Филаретъ, которые, по лукавству ихъ руководителей, коснѣютъ въ невѣжествѣ и развратѣ и отчужденіи отъ Церкви Божіей, ведущей ко спасенію, не по своей винѣ, а по рабству, въ которомъ держать ихъ попечители и старшины ихъ, управляющіе ими деспотически» ³⁾.

Благодаря такой тяготящей надъ раскольническимъ многочисленствомъ силѣ ожесточенныхъ руководителей, происходитъ то, что многіе, особенно мало могущіе, не смѣютъ обнаружить своего расположенія къ Церкви, хотя и имѣютъ оное ⁴⁾. Но главною опорою раскола, по мнѣнію Филарета, опять таки служить денежная сила. «Деньги, деньгами купленное покровитель-

¹⁾ Собр. мн. и отз., т. V, 579, 441 стр.; т. IV, 21 стр.

²⁾ Тамъ же, IV т., 293 стр.

³⁾ Собр. мн. и отз. IV, 293 стр.

⁴⁾ Тамъ же, II, 566 стр.

ство, мірскія выгоды, господство богатыхъ раскольниковъ, вольность и ненаказанность преступленій» 1) — вотъ, помимо невѣжества, другія, еще болѣе сильныя и надежныя «подпоры» раскола, замѣнившія фанатизмъ, которымъ онъ первоначально жилъ и который съ теченіемъ времени значительно ослабѣлъ» 2). Эти «подпоры» раскола настолько дѣйствительны, что противъ нихъ «знаніе и ревность духовенства ведутъ» «безплодную борьбу», равно какъ и всѣ мѣропріятія правительства, почти совсѣмъ парализуются ими.

Самый упорный, ожесточенный, вредный элементъ въ расколѣ составляютъ «вожаки», «старшины» или «коноводы», а также расколоучители. Самою главною изъ подпоръ его служатъ общественныя заведенія раскольниковъ съ громадными капиталами и недвижимостями, первое мѣсто посреди которыхъ по своему богатству и огромному вліянію почти на всю Россію, безспорно, занимаютъ два московскихъ оффиціально-благотворительныхъ заведенія, а по просторѣчю кладбища — Рогожское и Преображенское. — Сами менѣе всего заботятся объ истинѣ, вожаки раскола упорно коснѣются въ немъ «единственно по земнымъ нечистымъ побужденіямъ», — потому только, что онъ выгоденъ для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ: ему обязаны и имъ держится ихъ вліяніе, почетъ, уваженіе, богатство и проч.; словомъ — «расколъ есть ихъ промыселъ, доставляющій имъ большія выгоды и почетъ» 3). Въ то же время для нихъ есть и еще одна «прелесть» въ расколѣ, какой они не могутъ ждать отъ православной Церкви, какъ чуждой ея, это — «независимое и республиканское самоуправство въ церковныхъ дѣлахъ». Ихъ попы и отцы, большею частью не сильныя разумѣніемъ и добродѣтелью, — всегда непрекословные исполнители ихъ воли, такъ какъ при томъ находятся отъ нихъ въ полной денежной зависимости и избираются ими. Поэтому властные руководители имѣютъ возможность всякому церковному правилу «нужды ради сдѣлать примѣненіе». Вслѣдствіе такихъ выгодъ, вожаки раскола не только сами упорно держатся его, но и ревностно, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, пропагандируютъ его, жестоко мстятъ отступникамъ отъ него и поставляютъ всевозможныя препятствія ревностнымъ противураскольническимъ миссіонерамъ. Болѣе часто практикуемый ими способъ пропаганды ра-

1) Письмо Филарета къ Игнатію Камчатскому.

2) Собр. мв. и отз. т. V 579 стр.

3) Собр. мв. и отз., IV т. 290 стр.

скола и обычных ихъ средства для укрѣпленія его состоятъ въ томъ, что начальствующіе раскольники, напр. управляющіе и старосты, тѣснятъ, подчиненныхъ, богатые—бѣдныхъ, хозяева—фабриканты—своихъ рабочихъ, если эти послѣдніе принадлежатъ къ православной Церкви или изъявляютъ желаніе оставить расколъ. Тамъ же, гдѣ указанный способъ дѣйствія мало примѣнителенъ или оказывается недѣйствительнымъ, заправилами раскола, въ видахъ его усиленія и для противодѣйствія успѣхамъ православія, пускаютъ въ ходъ «запрещенія и проклятія», а гдѣ нужно—и прямо грубое насиліе.—Дѣятельными помощниками вожаковъ въ пропагандѣ раскола являются расколоучители-лжеепископы и лжепопы въ поповщинѣ и, такъ называемые, наставники и отцы въ беспоповщинѣ. Не смотря на свое невѣжество, они оказываютъ большіе успѣхи въ совращеніи православныхъ въ расколъ. Главная причина сему та, что «поддерживаемые и охраняемые богатыми раскольниками» они свободно и «безопасно ходятъ повсюду и сбѣгаютъ плевелы, стараясь между тѣмъ избѣгать встрѣчи съ православными священниками, чтобы не подвергнуться ихъ обличенію», и тоже внушая тѣмъ, которыхъ успѣваютъ поколебать въ православіи.

«Такимъ образомъ, простой народъ», одинаково воспримчивый къ истиннымъ и ложнымъ ученіямъ, по своему крайне скудному развитію, «становится болѣе открытымъ полемъ для сѣянія плевель, нежели пшеницы»¹⁾. Затѣмъ, сильно размножившаяся австрійская лжеіерархія своимъ многолюдствомъ, частыми поборами, дерзко открытыми торжественными служеніями и своимъ полнымъ подобіемъ по внѣшности православному духовенству много приноситъ вреда православію, внушая раскольникамъ и православнымъ мысль съ одной стороны о ея государственной и церковной законности, съ другой,—о неприкосновенности и истинѣ раскола вообще²⁾.

Вредной и незаконной по своимъ средствамъ пропагандѣ раскола, совершаемой его вожаками и священнослужителями, придають силу и устойчивость, по взгляду митрополита Филарета, раскольническія общественныя заведенія и главнымъ образомъ Преображенское и Рогожское кладбища. «Сіи два раскольническія заведенія», говоритъ онъ, «съ начала текущаго столѣтія сдѣлались центромъ двухъ толковъ раскола, сильными для распространенія его и для упорства противъ дѣйствій прави-

¹⁾ Собр. мн. и отв., IV, 230 стр.

²⁾ Собр. мн. и отв., V, 512—513; V, 924—926 стр.

тельства и православнаго духовенства ¹⁾). Какъ центры раскола, Рогожское и Преображенское кладбища, въ лицѣ своихъ старшинъ и настоятелей, имѣютъ вліяніе почти на всѣ отрасли поповщины и безпоповщины на пространствѣ едва не цѣлой Россіи, руководятъ повсюду распространеніемъ раскола, употребляя при этомъ преимущественно тѣ-же средства, какія обычно практикуются отдѣльными вожаками, т. е. деньги а, гдѣ нужно, и насилія, только въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ,—поддерживаютъ его связями, назначаютъ по своему усмотрѣнію въ иногороднія общины лжепоповъ и духовныхъ отцовъ, разрѣшаютъ недоумѣнные церковные вопросы, часто служатъ мѣстомъ для многочисленныхъ соборовъ и проч. Въ свою очередь, и иногороднія общины не предпринимаетъ ничего безъ своихъ митрополій, обращаются къ нимъ за совѣтами, разрѣшеніемъ споровъ и своими пожертвованіями увеличиваютъ и безъ того большія богатства ихъ ²⁾. Параллельно съ укрѣпленіемъ и развитіемъ зла, причиняемаго расколомъ православной церкви, увеличивается и вредъ отъ него для государства. Вредное государственное значеніе раскола, по мнѣнію митрополита Филарета, уже неизбежно вытекаетъ и ясно обнаруживается изъ его враждебнаго отношенія къ православной церкви. «Во всѣ времена, у всѣхъ народовъ господствующая государственная религія, говоритъ онъ, была, есть и будетъ скрѣпленіемъ, связью, цементомъ, такъ сказать, стихіей народности: языка, законовъ, правовъ, правъ и обычаевъ. Гдѣ нарушалось единство религіи, тамъ стихіи народности разлагались, дробились, исчезали. Съ ними упали правительства, разъединялись народы». Благочестивое правительство Россіи господствующимъ вѣроисповѣданіемъ и однимъ изъ твердѣйшихъ основаній государственнаго единства и силы признаетъ православную вѣру». «Слѣдовательно, заключаетъ митрополитъ Филаретъ, что угрожаетъ вредомъ единству вѣры, то угрожаетъ государству» ³⁾. Расколъ же своимъ усиленнымъ прозелитизмомъ непрестанно и явно дѣйствуетъ во вредъ единству церковному, разрушаетъ церковное единомысліе и единодушіе и, такимъ образомъ, вмѣстѣ неизбежно дѣйствуетъ и во вредъ единству государственному, за разрушеніемъ церковнаго единомыслія и единодушія, послѣдовательно влеча за собой разстройство и разрушеніе единства народнаго

¹⁾ Собр. мн. и отз., V, 598 стр.

²⁾ Собр. мн. и отз., IV т., 328 стр.

³⁾ Собр. мн. и отз., IV т., 330—331; 556, 89 стр.

духа въ отношеніяхъ гражданскомъ и патриотическомъ, что особенно опасно въ Россіи, въ которой центромъ народнаго духа издревле есть вѣра, а также и нравственность¹⁾. Политическія воззрѣнія и нравственное ученіе раскольниковъ вполне подтверждаютъ такой выводъ относительно разъединяющаго и деморализирующаго вліянія раскола и не оставляютъ сомнѣнія въ великой опасности его для государства. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ раскольники не только не имѣютъ къ правительству добраго расположенія и сердечной вѣрности, но являются такими же непримиримыми противниками его, какъ и православной церкви, потому что всю свою ненависть къ церкви они цѣлкомъ переносятъ и на правительство за оказываемое имъ покровительство церкви и согласіе съ нею. Яснымъ доказательствомъ сего служитъ то, что всѣ свои нечестивыя названія, прилагаемыя къ первой, они переносятъ и на послѣднее. Вслѣдствіе этого всѣ раскольники, безъ различія сектъ, согласно сходятся въ томъ, что не признаютъ Царя помазанникомъ Божиимъ и не почитаютъ никакой власти законною, которой бы должно было повиноваться по совѣсти, и потому то они отъ нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій разными недозволенными средствами уклоняются, а другіе исполняютъ, по ихъ выраженію, «для ясности, страха ради іудейска»²⁾. Въ политическомъ отношеніи, какъ и въ церковномъ «большую частью смотрятъ на раскольниковъ съ той точки зрѣнія, какъ и на иновѣрцевъ; но это большое заблужденіе. Иновѣрцы, различаясь съ нами въ догматахъ, ничего не имѣютъ противъ правительства и слѣдуютъ правилу: «Божіе Богови, кесарева кесареви», а раскольники выражаютъ это такъ: «Божія Богови, а бѣсова бѣсови»³⁾. Вообще, вслѣдствіе взгляда на правительство, какъ еретическое и антихристово, въ раскольникахъ есть «явное стремленіе къ тому, чтобы образоваться въ сомкнутую отдѣльность отъ общаго государственнаго устройства (*Status in statu*)», вреднѣе котораго, конечно, ничего не можетъ быть въ гражданскомъ отношеніи⁴⁾. При этомъ, въ противовѣсъ существующему монархическому гражданскому началу, какъ и іерархическому церковному, расколъ развиваетъ противоположное ему демократическое начало, какъ это видно изъ того, что раскольники

¹⁾ Собр. мн. и отз., V, 742, 417 стр., дополн. 7. 466 стр.

²⁾ Собр. мн. и отз., IV, 281, 297—298 стр.

³⁾ Тамъ же, 299 стр.

⁴⁾ Собр. мн. и отз., IV т. 10 стр.

«дѣйствуютъ такъ называемыми попечителями, самовольно избранными, часто также самовольными совѣщательными собраниями, частью, въ особенныхъ случаяхъ, даже народными скопищами 1).

Являясь прямыми противниками государства по своимъ политическимъ воззрѣніямъ, раскольники, по суду митрополита Филарета, причиняютъ государству *значительный вредъ и своимъ нравственнымъ*, или точаѣе, безнравственнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ученіемъ. Низшій, сравнительно съ православными, общій уровень нравственныхъ воззрѣній и дѣйствій раскольниковъ вытекаетъ уже неизбежно изъ ихъ смѣшанныхъ съ заблужденіями религіозныхъ воззрѣній. «Секта не бываетъ вполне честна», говоритъ м. Филаретъ.

Истина религіозная и нравственная суть лучи одного свѣта: гдѣ первая смѣшана съ заблужденіемъ, тамъ не чиста и послѣдняя» 2). Этимъ объясняетъ онъ, что всѣ раскольники, безъ различія сектъ, считаютъ позволительными для себя и несколько не безнравственными всякаго рода средства для распространенія и утвержденія своего ученія, а также для противоудѣйствія направленнымъ противъ нихъ мѣропріятіямъ церковнымъ и гражданскимъ,—какъ-то: подкупъ, лукавство, насиліе и т. п. Но особенно вреднымъ для государства является ученіе нѣкоторыхъ непоповщинскихъ сектъ объ обязательномъ безбрачій: происшедшее также отъ искаженія христіанскаго ученія о бракѣ. «Супружество, по мнѣнію Филарета, имѣетъ важное значеніе по отношенію къ Провидѣнію Божию, къ семейству и государству. Богъ, сотворивъ первыхъ людей, имъ самимъ и ихъ потомкамъ ввѣрилъ дальнѣйшее произведеніе людей на свѣтѣ. ввѣрилъ какъ бы продолженіе Своего творческаго дѣйствія. Какой великій даръ!» восклицаетъ святитель 3). Какъ же раскольники пользуются этимъ великимъ даромъ? Они составляютъ правила, которыя неизбежно ведутъ къ разрушенію семейныхъ основъ, къ дѣтоубійству и разврату въ самыхъ разнообразныхъ его формахъ и, такимъ образомъ, въ самомъ корнѣ производятъ разстройство государственной жизни, которой «начало и первый узелъ есть союзъ семейный». Образчикомъ такихъ правилъ можетъ служить, напр., слѣдующее: «христіане брачущіеся суть вмѣино гнѣздище, сатанино и бѣсовъ его прискверное дворище,

1) Собр. мн. и отв. III, 254 стр., то же, III, 107—109; IV т. 40—41 стр.

2) Собр. мн. и отв. III т. 288 стр. 251 стр.

3) Собр. мн. и отв. V т., ч. 1-я, 69—70 стр.

что въ нынѣшнее послѣднее горько плачевное время и въ царствованіе антихристова о умноженіи рода человѣческаго Богъ не промышляетъ, а печется сатана, и къ зачатію младенца душа дается отъ діавола 1).

Въ подтвержденіе этого Филаретъ указываетъ на мрачную картину безнравственной жизни раскольническихъ дѣвственниковъ Преображенскаго кладбища, найденную имъ въ отчетѣ д. с. с. Игнатьева, свидѣтельство котораго Филаретъ называетъ «свидѣтельствомъ наблюдателя непосредственнаго, внимательнаго и безпристрастнаго». Вникая въ нравственное положеніе безпоповщинскихъ раскольниковъ, въ ихъ сокровенный домашній бытъ и усвоенныя ими сектаторскія понятія, говорится въ этомъ отчетѣ, «каждый при полныхъ дознаніяхъ изумительно бываетъ пораженъ выраженіемъ невѣжества, разврата и суевѣрства». Составитель отчета, между прочимъ, обнаруживаетъ, что старухи-наставницы, по опасенію, чтобы потребность брака не послужила молодымъ людямъ поводомъ къ переходу изъ раскола въ церковь, намѣренно вовлекаютъ ихъ въ любодѣяніе, за которымъ слѣдуетъ дѣтоубійство, извиняемое лжеумствованіями наставниковъ, и, при нетвердости семейныхъ узъ, разстройство нравственности на всю жизнь». «Въ безпоповщинскихъ сектахъ отъ времени забыты и разрушены все религіозныя вѣрованія, и все движется и основано на однихъ интересахъ и безнравственности 2).

Г. Добротинъ.

Сектантство.

(Изъ Всеподданиѣйшаго отчета г. Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1896--97 гг.)

Изъ всеѣхъ сектъ какъ рационалистическаго, такъ и мистическаго сектантства наиболѣе вредною, въ церковномъ и въ государственномъ отношеніяхъ, и менѣе всеѣхъ другихъ поддающеюся миссіонерскому воздѣйствію, по прежнему, была штунда. Штундизмъ, отличительною чертою котораго является стремленіе къ энергичной и настойчивой пропагандѣ своего лжеученія, значительно усилилъ и распространилъ эту свою дѣятельность. Сектантское броженіе коснулось и новыхъ мѣстъ, гдѣ о штундѣ

1) Собр. мн. и возр. III т., 107—103; V т., 555 стр.

2) Собр. мн. и отз., IV т., 327—3 стр. 82

I, 23) здѣшней земной жизни, однако всегда обращаетъ взоры вѣрующихъ къ воскресенію, какъ полному осуществленію христіанской надежды; точно также, признавая наступленіе для грѣшниковъ мученій тотчасъ послѣ смерти (Лук. XVI, 20—31; Евр. IX, 27), утверждаетъ, что полное наказаніе они получаютъ по возстаніи плоти. Такимъ образомъ, души умершихъ, ожидающія соединенія со своими тѣлами, живутъ жизнью перваго воскресенія или находятся въ состояніи первой смерти. То и другое изъ этихъ состояній начинаются во время земной жизни человѣка, но по разлученіи души съ тѣломъ достигаютъ болѣе высокой степени проявленія. Поэтому мы можемъ называть воскресеніемъ первымъ не только возстаніе человѣка отъ грѣха здѣсь на землѣ, но также можемъ усвоить это наименованіе въ особенномъ специальномъ смыслѣ переходу праведника въ лучшую жизнь со Христомъ, какъ это дѣлаетъ въ разобранномъ мѣстѣ Тайнозритель.

Свящ. А. Темномъровъ.

(Продолженіе будетъ).

Церковно-государственныя воззрѣнія Митрополита Филарета (Дроздова) на расколъ и секты. ¹⁾

Раздѣленіе сектъ. Средства борьбы съ расколо-сектантствомъ.

Признавая расколъ и всѣ его секты безусловно вредными въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ, считая ихъ зломъ, нарушающимъ единомысліе церковное и повреждающимъ общественную жизнь въ православной Россіи, митрополитъ Филаретъ устанавливаетъ, однако, строгую градацію между ними, по степени ихъ вреда въ двухъ указанныхъ отношеніяхъ. Такихъ степеней онъ различаетъ три:

I. *Секты вреднѣйшія:*

1) *иудействующіе*. Ибо это хуже, нежели ересь. Это совершенное отпаденіе отъ христіанства и существенная вражда противъ христіанства; 2) *молоканы*. Хотя, повидимому, держатся Священнаго Писанія, но берутъ изъ него только то, что имъ нравится. Не признаютъ никакихъ таинствъ, никакой іерархіи. Не принимая присяги, не уважаютъ вѣрности, никакой власти не признаютъ Богопоставленною; повинуются только, поколику нельзя противиться. Секта разрушительная; 3) *духоборцы*. Сколько

¹⁾ См. Миссіон. Обзор. 1900 г. февраль стр. 26—218.

извѣстно, одинакаго духа съ молоканами; 4) *хлыстовщина*. Ересь богохульная, потому что, не отвергая наружнаго общенія съ христіанскою церковью, вводитъ челоѣкообожаніе; 5) *скопцы*. Также богохульная ересь, потому что начальника секты почитаютъ христомъ. Вредитъ обществу, осуждая бракъ, искажая людей и истребляя потомство; 6) тѣ безпоповщинскія секты, которыя отвергають бракъ и молитву за Царя. Онѣ пишутъ и произносятъ жестокія хулы на церковь и таинства и всякую власть нынѣшняго времени почитаютъ антихристовою. Отвергая бракъ, вводятъ безнравственность¹⁾.

Особенно вредною среди безпоповщинскихъ сектъ указанной категоріи въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ нужно, по суду митрополита Филарета, признать секту *еодосѣвцевъ*, и также по силѣ ожесточенія къ православнои церкви и антагонизма къ правительству «дочь безпоповщинской секты—секту *странниковъ*». *Еодосѣвцы*, раздѣляя вредныя для православнои церкви религіозныя толкованія безпоповщинскаго толка, въ то же время болѣе твердо, дерзко и открыто держатся вредныхъ политическихъ воззрѣній безпоповщины, чѣмъ другія секты. Такъ, на ряду съ другими, заявляя свое нерасположеніе къ правительству немоленіемъ за Царя, *еодосѣвцы* при этомъ «не просто слѣдуютъ старымъ погрѣшительнымъ мнѣніямъ, но и вновь составляютъ зловредныя правила и распространяють ихъ даже съ видомъ формальности, за подписаніемъ своихъ начальниковъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ записка и двѣ рукописныя книги, открытыя на Преображенскомъ кладбищѣ въ 1844 году. Въ запискѣ, или такъ называемыхъ «отеческихъ завѣщаніяхъ», которыя въ подлинникѣ подписаны старшими попечителями Преображенскаго кладбища, Алексѣемъ Никифоровымъ и другими, прямо заявляется, что съ 1866 года, «установленная Богомъ царская власть упразднилась»; въ первой рукописной книгѣ,—въ «объявленіи о согласіи монастырскихъ или мануиловыхъ»—моленіе за Царя и названіе его благочестивѣйшимъ провозглашается «нечестіемъ»: «по вѣрѣ убо благочестивой», говорится въ ней, «и царь благочестивый, по нечестивой же вѣрѣ и царь нечестивый нарицается», и далѣе: «убо въ семь же вѣрѣ и царь нечестивый нарицается», и далѣе: «убо въ семь монастырѣ тии нечестивствуютъ, иже въ молительной формѣ нечестиваго благовѣрнымъ и благочестивымъ и прочими титулами во благочестіи пребывающихъ приличными нарицають»; нако-

¹⁾ Собр. мн. и отз. III т., 92 стр.

нецъ, «въ показаніи о единомъ общемъ христіанскомъ пути» — второй рукописной книгѣ, написанной въ 1842 году, — ученіе, что за нынѣшнюю царскую власть молить Бога должно, называется «богомерзкимъ преданіемъ». — «Никто, конечно, не докажетъ, замѣчаетъ митрополитъ Филаретъ, приведя эти выдержки, что сіе ученіе не вредно для государства; напротивъ, не трудно усмотрѣть, что «сіи правила ведутъ къ мятежу» ¹⁾, что фактически подтверждаетъ «вреднѣйшая секта странниковъ». Ибо она по своимъ политическимъ, равно и религіознымъ воззрѣніямъ вполнѣ примыкаетъ къ безпоповщинѣ, отличается же отъ нея лишь тѣмъ, «что злое наслѣдіе своей матери умножаетъ до крайности и нагло провозглашаетъ и приводитъ въ дѣйствіе правила, которыя та старается прикрывать». Поэтому она не довольствуется скрытнымъ признаніемъ приведеннаго безпоповщинскаго взгляда на правительство, а пропагандируетъ явное неповиновеніе ему, какъ антихристу. Отсюда, по ученію страннической секты «непозволительно ни записываться въ ревизію или платить подати, ни принимать должности съ присягою, ни вступать въ военную службу, ни даже нанимать за себя въ рекруты другихъ». Чтобы дать возможность своимъ адептамъ избѣгать обязанностей, налагаемыхъ на каждого государственною властью, и считая повиновеніе этой власти отреченіемъ отъ Христа, странническая секта возводитъ бродяжничество на степень догмата и ужъ тѣмъ самымъ подрываетъ основы общественнаго благосостоянія: трудъ, жизнь семейную, порядокъ и т. п. Вообще, ученіе страннической секты «не только противно ученію православной Церкви, но и отвергаетъ верховную власть и законы и исполненіе всякихъ общественныхъ обязанностей и, слѣдственно, живущіе по сему ученію рѣшительно отказываются отъ того, чтобы приносить какую-нибудь пользу государству, и имѣютъ направленіе причинять оному лишь вредъ и разстройство» ²⁾.

II. Секта вредная.

«Тѣ изъ безповщины, которые принимаютъ бракъ (новожены) и не отрекаются молиться за царя.

По симъ чертамъ могли бы почестъся менѣе вредными; но рѣшительно вредны потому, что отвергаютъ священство и таин-

¹⁾ Собр. мн. и отв. III, 109 стр.; IV, 40—41 стр.

²⁾ Собр. мн. и отд., дополн. томъ 379—383.

ство евхаристіи и, кромѣ сказаннаго, все заимствуютъ отъ дурныхъ страстей безпоповщины и, между прочимъ, духъ демократическій» 1)

III. Секта менѣ вредная.

«Поповщина. Эта не ересь, а расколъ. Болѣе церковнаго сохраняетъ и болѣе представляетъ надежды»; 2) но вредна потому, что «недавно образовала изъ себя лжеіерархію, которой корень въ иностранномъ государствѣ. Три или четыре лжеепископа, по свѣдѣніямъ правительства, а по нѣкоторымъ частнымъ свѣдѣніямъ до 14-ти, при неудовлетворительномъ дѣйствованіи полиціи, тайно для начальства, но не тайно для народныхъ слуховъ ходятъ повсюду и худшихъ, хитрѣйшихъ и дерзновѣйшихъ изъ раскольниковъ дѣлаютъ лжесвященниками и своими миссіонерами» 3).

Если расколъ въ церковномъ и государственномъ отношеніи есть зло, или, по выраженію Филарета, «язва», «болѣзнь», непрестанно болѣе и болѣе распространяющіяся и требующія «неотложнаго и серьезнаго врачеванія», 4) то въ чемъ должно состоять и какъ должно совершаться это врачеваніе?

Митрополитъ Филаретъ различаетъ двоякій способъ дѣйствованія на расколъ: «врачебный» въ собственномъ смыслѣ и «охранительный» 5).

Насколько расколъ есть заблужденіе ума, уклоненіе отъ истины, — онъ, естественно, требуетъ духовнаго врачеванія, противодѣйствія духовными средствами, такъ какъ всякое заблужденіе ума можетъ быть прекращено только «вразумленіемъ», убѣжденіемъ въ истинѣ. Но насколько расколъ обнаруживаетъ стремленіе проявлять себя во внѣ, завлекать въ свои сѣти другихъ, онъ подлежитъ внѣшнему воздѣйствію правительства, ограниченію «существующими въ законахъ государства мѣрами», такъ какъ государственной православной власти естественно заботиться объ охраненіи православной Церкви.

Первое самое естественное и, при надлежащемъ употребленіи и ревности, самое дѣйствительное средство для ослабленія

1) Тамъ-же, 92 стр.

2) Собр. мн. и отв., Шт., 93 стр.

3) Собр. мн. и отв. IV т., 267 стр.

4) Собр. мн. и отв. IV т., 297 стр.

5) Тамъ-же, IV т. 514 стр.

раскола митрополитъ Филаретъ видѣлъ въ наученіи и вразумленіи раскольниковъ со стороны духовенства посредствомъ личныхъ собесѣдованій его съ ними. «Вразумленіе въ истинномъ ученіи вѣры со стороны православнаго духовенства, безъ сомнѣнія, есть самое свойственное орудіе для обращенія заблуждающихъ всякаго рода. Но сему общему средству обращенія противостоятъ почти столь же общее препятствіе, — именно правило раскольниковъ особенно избѣгать сношенія съ православнымъ духовенствомъ. Въ нынѣшнее время нѣтъ причины опасаться, что архіерей не захочетъ бесѣдовать съ раскольникомъ или обратитъ къ нему неумѣстно укорительныя или повелительныя слова; не можетъ случиться, что пастырь не довольно ищетъ овецъ убѣгающихъ. Посему нужно Святѣйшему Синоду продолжать наблюденіе и напоминанія, по усмотрѣнію, чтобы епархіальные архіереи тщательно пользовались всѣми возможными случаями вступать въ сношенія съ уклонившимися отъ Церкви и посѣвать между ними понятія и чувствованія, которыя сближали бы ихъ съ Церковью» 1). Обращаясь къ характеру собесѣдованій съ раскольниками, митрополитъ Филаретъ спокойное, миролюбивое раскрытіе истинъ православной вѣры совѣтуетъ предпочитать спорамъ и обличенію заблуждающихъ, и во всякомъ случаѣ ими одними не ограничиваться, потому что одно обличеніе легко рождаетъ укоризну, а укоризны — вражду: «укорять значитъ раздражать; а раздражать значитъ уменьшать способность къ принятію истины». Во избѣжаніе этого «обращеніе съ разномыслящими и самое обличеніе заблужденій должно быть столь миролюбиво, сколь можно сіе дѣлать безъ оскорбленія истины и безъ соблазна православнымъ»; посему, «терпимость, спокойствіе, кротость, снисхожденіе, осторожность также нужны въ обличеніи, какъ и ревность» 2).

Другое дѣйствительное средство противъ раскола, въ виду почти сплошнаго невѣжества раскольниковъ, митрополитъ Филаретъ видѣлъ въ заведеніи возможно большаго количества училищъ — мужскихъ и женскихъ, и именно въ духѣ нынѣшнихъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности. Вотъ его разсужденія по этому предмету, сдѣланныя еще въ 1835 году: «Поелику расколъ наиболѣе основанъ на невѣжествѣ, то

1) Собр. мн. и отв. II т., 264 стр.

2) Собр. мн. и отв. II т., 442—443 стр. письма митрополита Филарета къ Гавриилу 29 стр.

училища должны быть средствами противъ раскола. Но сіи средства должны быть осмотрительно приспособлены къ цѣли. Если училища будутъ въ рукахъ раскольниковъ, они будутъ, естественно, разсадниками раскола, а не православія. Если училища простого народа будутъ въ рукахъ людей, получившихъ свѣтское образованіе ума, можетъ случиться то, что замѣчается въ Англіи, ¹⁾ что распространеніе грамотности не улучшить нравственности, но повредитъ ей, посредствомъ неосновательныхъ внушеній и вреднаго чтенія. Обученіе чтенію, начаткамъ катихизиса и священной исторіи, подъ руководствомъ духовенства, простѣйшимъ и къ національному быту и обычаю примѣненнымъ способомъ, есть наиболѣе безопасное средство распространенія здравыхъ понятій въ простомъ народѣ. Но сіе средство трудно сдѣлать употребительнымъ въ отношеніи къ раскольникамъ, которые, конечно, захотятъ лучше раскольнику же ввѣрить своихъ дѣтей, нежели православному священнику. Для сего нужно: 1) чтобы духовенству предоставлена была свобода въ обученіи дѣтей, подъ наблюденіемъ епархіальнаго начальства, безъ притязаній со стороны дирекцій министерства просвѣщенія; 2) чтобы, напротивъ, учителямъ раскольническимъ поставлена была преграда силою новѣйшихъ узаконеній министерства просвѣщенія. Завести обученіе дѣтей, приходящихъ къ учителю изъ домовъ родителей, несравненно удобнѣе, нежели устроить училища, въ которыхъ бы дѣти не только обучались, но и жили. Посему первое надлежитъ принять мѣрлю болѣе общео, а послѣднія учреждать гдѣ есть достаточныя средства и надежда вѣрнаго надзора. Обученіе дѣтей и женскаго пола желательно потому, что, какъ извѣстно по опыту, женщины, невѣжественныя еще болѣе мужчинъ, и по той же мѣрѣ упорныя въ привязанности къ наслѣдственному и привычному, удерживаютъ мужей въ расколѣ и даже привлекаютъ въ оный. Но женскія училища съ жительствомъ еще труднѣе, нежели мужскія, устроить и снабдить приличнымъ руководствомъ и надзоромъ. Удобнѣйшимъ внушеніемъ въ сіе дѣло можетъ быть то, чтобы жена священника или діакона, если способна, становилась мастерицею для обученія дѣвочекъ грамотѣ и рукодѣлію».

Наконецъ, для противодѣйствія главному распространенію раскола насчетъ православія вслѣдствіе невѣжества православ-

¹⁾ См. журн. министр. просв. 1835 г., ноябрь. Обзоръ иноязычныхъ въ Россіи газетъ и журн. докт., ст. 3 Педагогія.

ныхъ часто большаго, чѣмъ у раскольниковъ, и въ виду обязанности пастырей не только объ обращеніи заблуждающихся, но еще болѣе объ охраненіи вѣранныхъ имъ пасомыхъ отъ всякаго рода пропаганды, ведущей къ отчужденію отъ церкви, м. Филаретъ считалъ необходимымъ, чтобы духовенство, насколько возможно, прилагало стараніе и къ ихъ (православныхъ) просвѣщенію и вразумленію, что естественно должно повести къ большей устойчивости ихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣній. Наиболѣе удобнымъ средствомъ для сего, по его мнѣнію, кромѣ личныхъ частныхъ собесѣдованій и училищъ, можетъ быть обязательное произношеніе катихизическихъ поученій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, «въ которыхъ бы катихизическія истины по порядку излагаемы были съ главнѣйшими ихъ доводами и потребными объясненіями, со всевозможнымъ примѣненіемъ мыслей, чувствованій и языка къ степени разумѣнія и къ состоянію слушателей»²⁾. При этомъ, сознавая трудность надлежащаго осуществленія указанныхъ средствъ духовенствомъ, съ одной стороны, вслѣдствіе малочисленности его сравнительно съ количествомъ пасомыхъ, а мѣстами сравнительно также съ количествомъ сильно размножившихся послѣ царствованія Николая раскольническихъ лжепоповъ и отцовъ, съ другой — вслѣдствіе обремененія духовенства другими немалосложными обязанностями, для облегченія такого затрудненія митрополитъ Филаретъ признавалъ цѣлесообразнымъ въ мѣстностяхъ, особенно сильно зараженныхъ расколомъ: а) учрежденіе особыхъ противураскольническихъ миссіонеровъ; б) умноженіе причтовъ; и в) открытіе вновь монастырей, которые «имѣютъ большое значеніе для ослабленія раскола исполненіемъ древняго чина богослуженія»¹⁾.

Рекомендуя разныя духовныя средства для ослабленія раскола, м. Филаретъ имъ самимъ не придавалъ рѣшающаго значенія въ этомъ дѣлѣ. Необходимы, по его мнѣнію, нѣкоторыя условія для успѣшнаго ихъ дѣйствованія. Первымъ такимъ условіемъ по своей важности онъ считалъ «благословеніе Божіе»¹⁾ и поэтому внушалъ подвѣдомымъ ему пастырямъ не слишкомъ полагаться на свои силы, но прежде всего смиренно просить помощи Божіей въ своей противураскольнической дѣя-

¹⁾ Собр. мн. и отв. дополн. томъ, 229 стр.

²⁾ Приб. къ твор. Св. Отцовъ 37 ч. 330—331 стр.

³⁾ Собр. мн. и отв. II т., 22—24 стр.

тельности 2). Другимъ необходимымъ условіемъ успѣха въ противураскольнической дѣятельности м. Филаретъ считалъ личную безупречную жизнь пастырей церкви, вполне сообразную съ ихъ званіемъ. Являясь лучшимъ фактическимъ доказательствомъ истины проповѣдуемаго ученія, христіанская жизнь пастыря, — говоритъ онъ, въ то же время и сама по себѣ можетъ быть для многихъ средствомъ вразумленія и обращенія, такъ какъ «дверь слова отверзается временно, добрая же жизнь служителя слова проповѣдуетъ истину денно и нощно» 2). Затѣмъ, третьимъ необходимымъ условіемъ успѣшнаго воздѣйствія духовенства на раскольниковъ нужно признать, по мнѣнію Филарета, «искреннее, безпристрастное желаніе познать истину Божию» со стороны самихъ раскольниковъ: ибо «по слову Христову, тотъ только, кто искренно желаетъ творить волю Божию, уразумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть» 3).

Помимо духовно-нравственныхъ средствъ къ искорененію еретическихъ и раскольническихъ заблужденій м. Филаретъ считалъ полезнымъ и употребленіе для той же цѣли мѣръ чисто государственнаго характера. Говоря, впрочемъ, о необходимости и пользѣ содѣйствія церкви въ борьбѣ съ еретическими и раскольническими ученіями со стороны государственной власти, м. Филаретъ далекъ былъ отъ мысли о преслѣдованіи раскольниковъ за религіозныя убѣжденія. Подобныя отношенія къ разномыслящимъ, по его мнѣнію, не должны и не могутъ имѣть мѣста въ христіанскомъ государствѣ, ибо «христіанское человеколюбіе не позволяетъ отнимать свободы ни у кого безъ нужды» и «самъ небесный земледѣлатель оставляетъ плевелы до неблизкаго времени жаты» 4). Отсюда терпимость, свойственная христіанской кротости, должна быть свойственна и христіанскому государству. Но если въ христіанскомъ государствѣ не должны быть терпимы «мучительства и гоненія, какъ противныя духу Христовой церкви», то также не должна имѣть мѣста и «избыточествующая терпимость» или, что то же, полная безграничная свобода въ дѣлахъ вѣры и совѣсти, какъ неизбѣжно ведущая къ умноженію зла.

Г. Добротинъ.

(Продолженіе будетъ).

1) Псм. Высоч. Особ. 1, 26 стр.

2) Собр. мн. и отв. II т., 441 стр.

3) Тамъ же, IV. 229—230.

4) Собр. мн. и отв. II т. 70 стр.

Церковно государственныя воззрѣнія митрополита Филарета
(Дроздова) на расколь и секты *).

Какъ правительство должно поступать съ еретиками
и раскольниками?

На этотъ вопросъ Высокопреосвященный м. Филаретъ отвѣ-
чаетъ такъ: «отечески», что это значить? Отцы земные для
исправленія дѣтей употребляютъ не одни кроткія увѣщанія, но
и другія мѣры. Отецъ небесный при всей безконечной благодати
своей обращаетъ на путь истины заблуждшихъ большею частію
строгими мѣрами, и грѣшники нерѣдко начинаютъ исправляться
сначала по страху гнѣва и наказанія Божія, а не по усердію
и любви къ добродѣтели. Правительство, отечески пекущееся о
благѣ ввѣренныхъ ему, должно поступать съ народомъ, по своей
необразованности не умѣющимъ отличать истины отъ заблужде-
нія, полезнаго отъ вреднаго, какъ съ малыми дѣтьми, которые
рѣдко научаются чему-либо полезному и доброму безъ понуж-
денія, а послѣ вспоминаютъ о томъ съ благодарностью 1). Съ
такой отеческой точки зрѣнія, или съ точки зрѣнія терпимо-
сти, умѣряемой осторожностью «для раскольниковъ собственно
въ ихъ пользу, нуженъ одинъ законъ, что они не преслѣдуются
за мнѣнія ихъ о вѣрѣ и приватное моленіе по ихъ обряду,
каковой законъ въ Россіи и существуетъ» 2). Такимъ образомъ,
законъ терпитъ заблужденіе раскола, несопровождаемое оказа-
тельствомъ или совращеніемъ отъ православія или нарушеніемъ
гражданскаго закона. «Доколѣ рѣшено не выходить изъ сихъ
предѣловъ, дотолѣ возможное и должное на него дѣйствованіе
есть духовно-нравственное, назидательнымъ словомъ и примѣ-
ромъ отъ духовенства, примѣромъ и увѣщаніемъ отъ имѣющихъ
власть, а также недопущеніемъ раскольниковъ до власти надъ
православными, предпочтеніемъ православныхъ раскольникамъ
въ общественныхъ отношеніяхъ, осторожностью противъ усилія
раскольниковъ являться предъ властями въ видѣ особаго со-
словія, и входить съ ними въ пріязненныя отношенія преиму-
щественно предъ православными. Оказательство раскола, совра-

*) «Миссіонерск. Обозр.» мартъ, 390—397.

1) Собр. мн. и отв. IV т., 300 стр.

2) Тамъ-же, III т. 293

шеніе раскольниками православныхъ, нарушеніе оными существующихъ законовъ и правилъ, даютъ случай болѣе сильному дѣйствованію на расколъ. Какъ оставленіе такихъ случаевъ безъ вниманія даетъ расколу большую смѣлость и силу, такъ, напротивъ, уничтоженіе открывшагося оказательства раскола, вѣрное открытіе и обличеніе совратителя, и отнятіе у него средствъ совращенія, неослабное дѣйствіе правосудія на раскольниковъ нарушившихъ существующіе законы и правила, ослабляя смѣлость и охоту къ подобнымъ дѣйствіямъ, приводятъ въ упадокъ духъ расколоводителей и самый расколъ. Чѣмъ своевременнѣе и неослабнѣе дѣйствіе власти въ таковыхъ случаяхъ, тѣмъ его послѣдствія благонадежнѣе ³⁾. Должное взысканіе за оказательство раскола, за совращеніе раскольниками православныхъ и за нарушеніе оными существующихъ законовъ и правилъ, по мысли Филарета, нельзя почитать мученіемъ и гоненіемъ по отношенію къ еретикамъ и раскольникамъ. «Если бы не было воспрещенія совращать православныхъ въ расколъ ими соблазнять ихъ оказательствомъ раскола; если бы ослушники сего не преслѣдовались закономъ, то какъ же бы иначе правительство охраняло вѣру и вѣрныхъ ей? А если уклонившіеся отъ законнаго порядка и содѣйствующіе уклоненію другихъ ограничиваются закономъ въ правахъ, злоупотребляемыхъ или для успѣха секты на прельщеніе слабыхъ мірскими выгодами, тутъ видно одно законное слѣдствіе общественнаго благоустройства: иначе не будетъ предѣловъ своеволю и прельщенію. Наконецъ, закрытіе устроенныхъ тайно скитовъ и другихъ секторскихъ мѣстъ и соборищъ есть простая потребность всякаго благоустроеннаго государства, въ коемъ подобное самовольство не дозволяется и людямъ господствующей вѣры. Безъ таковыхъ законовъ, конечно, непріятныхъ расколу (равно всѣмъ его сектамъ и фракціямъ) «не было бы и покровительства православію и вималѣйшаго гражданскаго обузданія преступленій противъ вѣры. Но тогда нарушены были бы и самые уставы вселенскихъ соборовъ, на основаніи коихъ въ христіанской имперіи оказывается защита православію отъ ересей» ⁴⁾. Взятіе у раскольниковъ нѣкоторыхъ монастырей и обращеніе ихъ въ единовѣрческіе, Филаретъ оправдывалъ съ иной точки зрѣнія.

³⁾ Собр. мн. и отв. III т. : 29 стр.

⁴⁾ Собр. мн. и отв. II т. дополнит., 465 стр. 292 — 273; V т. 2-я ч. 605 стр.

«Если бы кто возымѣлъ мысль винить сіе дѣйствіе правительства, то онъ долженъ былъ бы обвинить многія подобныя дѣянія благочестивыхъ защитниковъ православія, напр., онъ долженъ былъ бы обвинять императора Феодосія и святаго Григорія Богослова за то, что они отняли у аріанъ главный контея подѣ охраненіемъ воиновъ, какъ о семъ сказываетъ самъ святой Григорій»⁵⁾).

Правда, раскольники, а равно и еретики, стараются представить всякое ограниченіе ихъ дѣйствій въ видѣ притѣсненія и буждающее жалобы дѣйствование правительства на раскольниковъ является очень далекимъ отъ того, что въ древнія времена называется гоненіемъ. «Если при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ строго поступлено съ раскольниками, запершимися въ Соловецкомъ монастырѣ, и при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ съ раскольниками, неистовствующими въ кремлѣ и самомъ дворцѣ: это было укрощеніе мятежа, а не гоненіе. Если своевольно и противозаконно построенную раскольническую часовню не позволяется починивать, а только позволяется терпѣть до разрушенія силою времени: это не гоненіе, а снисхожденіе въ томъ, что незаконное не разрушено тотчасъ. Если запечатываютъ часовню за то, что она вопреки существующему запрещенію перестроена: это не гоненіе, а неизбѣжное охраненіе закона, чтобы онъ не былъ презираемъ. Если раскольническаго священника берутъ къ суду за то, что совратилъ православнаго: это не гоненіе, а защищеніе господствующей церкви отъ сдѣланнаго на нее нападенія и даже снисхожденіе въ томъ, что бѣгло не преслѣдовали за побѣгъ, а прибѣгли къ правосудію надъ нимъ только послѣ новаго преступленія. Если не дадутъ раскольникамъ священниковъ, независимыхъ отъ духовнаго начальства, раскольники на сіе не могутъ жаловаться, потому что не имѣютъ никакого права требовать священниковъ отъ церкви, къ которой сами принадлежатъ не хотятъ. Если бы у церкви, противъ ея правилъ, взяты были священники и отданы были на произволь раскольникамъ, наименованіе гоненія и стѣсненія здѣсь были бы болѣе у мѣста, нежели во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ; но это было бы не въ отношеніи къ расколу, а въ отношеніи къ церкви. Можно здѣсь указать на

⁵⁾ Собр. мн. и отв. 292—293 стр.

взятіе у раскольниковъ нѣкоторыхъ монастырей и обращеніе ихъ въ единовѣрческіе». Но «если бы кто и изъ православныхъ самовольно построить монастырь, и безъ законнаго дозволенія постригъ въ немъ монаховъ, не уничтожила ли бы сіе законная власть, какъ скоро узнала бы? Неужели только своеволие православныхъ должно прекращать, а своеволие раскольниковъ надлежитъ оставлять неприкосновеннымъ? ⁶⁾». Вообще, если по отношенію къ раскольникамъ (равно и еритикамъ) и должна быть допущена терпимость, то съ точки зрѣнія Филарета, «Сводъ Законовъ назначилъ приложенію сего правила справедливые предѣлы» ⁷⁾ При такомъ своемъ общемъ направленіи, мѣропріятія правительства для успѣшнаго достиженія ослабленія раскола прежде всего и главнымъ образомъ должны быть тверды, постоянны. Разъ «принявши извѣстныя мѣры, правительство должно слѣдовать имъ неуклонно и неослабно, потому что малѣйшее ослабленіе ихъ приводитъ раскольниковъ къ убѣжденію въ безсиліи и слабости правительства и въ ихъ могущество, посредствомъ происковъ и денегъ, дѣлать тщетными предпринимаемыя противъ нихъ мѣры» ⁸⁾. Такимъ образомъ, «мѣры предпріятыя и невыдержанныя нерѣдко бываютъ вреднѣе, нежели когда бы оныхъ совсѣмъ не было предпріято» ⁹⁾. Не менѣе важенъ для успѣха и самый способъ приведенія въ исполненіе предпринимаемыхъ мѣръ. Точное исполненіе и «точное храненіе секрета, гдѣ иногда онъ нуженъ» — необходимы. Наконецъ, «тщательное избраніе и образованіе способныхъ орудій и бдительное наблюденіе за вѣрностью ихъ дѣйствованія» — есть также необходимое условіе гражданскихъ мѣропріятій.

Таковъ, по взгляду Филарета, долженъ быть нормальный, чуждый крайностей и вредной терпимости и несвойственной христіанству жестокости общій характеръ отношеній правительства къ раскольникамъ. Однако въ частномъ своемъ примѣненіи къ разнаго рода сектамъ и фракціямъ этотъ общій характеръ долженъ разнообразиться сообразно съ духомъ и ученіемъ послѣднихъ и той степенью вреда, которую они приносятъ церкви и государству. Чѣмъ опаснѣе секта въ церковномъ и государственномъ отношеніи, тѣмъ строже должны быть предпрінимаемыя къ ея искорененію мѣры. «Если бы вниманіе пра-

⁶⁾ Собр. мн. и отв. III т. 292 стр.

⁷⁾ Тамъ-же, 293 стр.

⁸⁾ Собр. мн. и отв. IV т., 300 стр.

⁹⁾ Тамъ-же IV, 318 стр.

вительства одинаково сильно устремлено было на все виды расколовъ, съ изысканіемъ и употребленіемъ рѣшительныхъ укротительныхъ мѣръ, то могло бы открыться обременительное множество и разнообразіе дѣлъ и распоряженій, которымъ вниманіе могло быть развлечено, а отъ сего могло бы послѣдовать, что не все предпринимаемыя мѣры будутъ выдержаны.

Посему вниманіе правительства, между разными родами расколовъ и сектъ, нужно раздѣлить по настоящимъ обстоятельствамъ такъ: 1) чтобы за расколами было менѣе вредности, а къ ослабленію ихъ дѣйствовало бы неослабнымъ наблюденіемъ правилъ, донынѣ принятыхъ; 2) но, чтобы противъ сектъ болѣе вредныхъ и опасныхъ для общественнаго блага и спокойствія, приняты были болѣе прежнихъ дѣйствительныя мѣры, законодательныя и распорядительныя. Относительно раскола поповщинскаго главнѣйшіе предметы наблюденія суть: 1) чтобы всякое построеніе и возобновленіе молитвенныхъ домовъ... было или не допущено, или подвергало уничтоженію мѣста, ознаменованнаго неповиновеніемъ закону; 2) чтобы раскольникамъ сего толка изъяснено было мѣстными гражданскими начальствами, что какъ всякій побѣгъ есть преступленіе противъ общественнаго порядка и закона, то и побѣгъ священника отъ своего законнаго мѣста не можно не почитать преступленіемъ, и что посему государственное правосудіе не можетъ попустить навсегда того снисхожденія къ бѣглымъ раскольникамъ поамъ, которое до времени (на основаніи секретныхъ правилъ 1822 г.) оказываемо было только въ надеждѣ вразумленія и обращенія къ порядку; 3) въ особенности, чтобы раскольнической священникъ, совратившій въ расколъ православною, или, что то же, совершившій какое-либо таинство надъ православнымъ, немедленно лишаемъ былъ терпимости, которою дотолѣ пользовался, и отсылаемъ былъ къ суду своего законнаго начальства; 4) чтобы мѣстныя начальства отнюдь не уклонялись отъ исполненія существующихъ узаконеній противъ оказательства раскола и противъ порученія раскольникамъ начальственныхъ должностей; 5) чтобы совратители православныхъ въ расколъ, кто бы они ни были, не оставались безъ отвѣтственности, какъ нарушители общественнаго спокойствія и правъ господствующаго вѣроисповѣданія; 6) чтобы раскольники не были свободнѣе отъ законовъ, нежели православные, какъ, напримѣръ, чтобы не оставались безъ отвѣтственности вступаю-

щіе въ бракъ въ несовершеннолѣтнихъ лѣтахъ, погребающіе умершихъ ранѣе трехъ дней отъ смерти, погребающіе скоропостижно умершіе безъ объявленія полиціи.

Къ тѣмъ отраслямъ безпоповщины, въ которыхъ приѣмлется моленіе за царя и не совсѣмъ отвергается бракъ, можно приѣмнить тѣ же правила, какія нужны въ отношеніи къ поповщинѣ. Изъ сектъ, болѣе вредныхъ и опасныхъ, особеннаго вниманія требуетъ секта молоканская, которая, по духу своеволія и неуваженія ко всему чтимому, по времени можетъ угрожать общественному спокойствію, если не поставятся твердыя преграды ея распространенію. Средства противодѣйствія сей вредной сектѣ могутъ состоять частью въ приложеніи къ ней съ особенной силою существующихъ узаконеній противъ расколовъ, частью въ новыхъ, особенныхъ мѣрахъ, которыя бы уменьшали значительность членовъ сей секты въ обществѣ и вліяніе на другихъ, и такимъ образомъ отнимали способы приобщенія и привлеченія въ секту; какъ-то: всякое оказательство молоканской секты должно быть не только запрещено, но и, по возможности, предотвращаемо надзоромъ, а сдѣланное немедленно прекращаемо и сопровождаемо отвѣтственностью нарушителей закона. Молоканскія собранія для богослуженія и ученія секты, какъ въ особыхъ устроенныхъ для того сборныхъ избахъ, такъ и въ частныхъ домахъ, не позволительны. Молоканскія сборныя избы, какъ скоро будутъ усмотрѣны, подлежатъ сломкѣ, а матеріаль — продажѣ въ пользу приказа общественного призрѣнія. Собраніе молоканъ въ частномъ домѣ болѣе десяти человекъ, сверхъ принадлежащихъ къ семейству того дома, признается оказательствомъ секты, и потому непозволительнымъ. Полиція, усмотрѣвъ молоканское собраніе, въ первый разъ немедленно распускаетъ оное, а хозяину дома и начальствующему въ собраніи, изъяснивъ непозволительность онаго, обязываетъ ихъ подпискою не держать впредь собраній. Принявшій къ себѣ въ домъ молоканское собраніе или начальствующій онымъ, послѣ вышеозначеннаго личнаго воспрещенія, подвергается семидневному аресту, или употребленію въ общественную работу на столько же дней. Замѣченный въ томъ же въ третій разъ подвергается подобному взысканію; съ увеличеніемъ срока задержанія отъ двухъ до четырехъ недѣль, смотря по обстоятельствамъ. Замѣченный въ томъ же въ четвертый разъ предается суду, какъ распространитель молоканской секты. Молоканинъ, проповѣдующій публично молоканское ученіе

вслухъ православнымъ, за первое дѣйствіе сего рода, предается суду, какъ распространитель секты. Молоканинъ, совратившій въ свою секту православнаго, предается суду, какъ распространитель секты, а совращенный начальству для вразумленія и обращенія. Молоканинъ, преданный суду за одно изъ вышеозначенныхъ дѣйствій, также препровождается къ духовному начальству для увѣщанія къ обращенію; и если обратится къ церкви, получаетъ прощеніе въ тѣхъ сектаторскихъ дѣйствіяхъ, за кои преданъ былъ суду. На увѣщаніе можно употреблять отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, и, смотря по надобности и для удобства въ увѣщаніи, увѣщаемый можетъ быть содержанъ въ сіе время въ монастырѣ. Распространитель молоканства, облеченный и непринявшій увѣщанія къ оставленію своего заблужденія, долженъ быть удаленъ изъ общества, въ которомъ оказался вреднымъ. Дабы лишить секту тѣхъ способовъ усиленія и распространенія, которые она занимаетъ изъ правъ и отношеній общественныхъ, нужно ограничить сіи права и отношенія. Молоканинъ не долженъ имѣть права записываться въ купеческія гильдіи. (Заградить входъ даже въ мѣщанство было бы неудобно въ отношеніи къ тѣмъ, которые донинѣ принадлежали уже къ городскимъ обществамъ). Молоканинъ, принадлежащій къ крестьянскому обществу, не долженъ имѣть права перейти въ городское (хотя бы и получилъ свободу отъ помѣщика). Молоканинъ не долженъ имѣть права принимать православныхъ въ постоянную зависимость, какъ-то: имѣть ихъ въ услуженіи, въ ученикахъ по ремеслу, и въ работникахъ по фабрикѣ или другому заведенію. Членъ молоканскаго семейства, принадлежащій или вновь обратившійся къ православію, долженъ быть принимаемъ въ покровительство начальства противъ притѣсненій со стороны неправославныхъ членовъ семейства. Неотдѣленный сынъ молоканина, обратившійся къ православію, долженъ получить право отдѣленнаго сына, и, въ пособіе къ первоначальному пропитанію и обзаведенію долю изъ общей собственности семейства, къ которому принадлежалъ. Льгота на время отъ податей обращающимся отъ молоканства не представляется вообще удобнымъ къ употребленію средствомъ къ обращенію. Всегда православный платитъ подати. Чѣмъ счастливѣе тотъ, кто побывалъ въ молоканствѣ, чтобы получить свободу на время отъ податей? Можно предоставить сіе только тѣмъ, которые, при обращеніи къ церкви, отдѣляясь отъ молоканскихъ семействъ, не вдругъ могутъ

устроить свое хозяйственное состояніе и быть въ силахъ платитъ подати. То же можно сказать и о рекрутской повинности. Поощреніе отличіями и почетнымъ званіемъ тѣхъ изъ молоканъ, которые обратятся и обратятъ съ собою многихъ, можетъ въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ употреблено быть, какъ высочайшая милость; но и сіе принять и огласить за общую мѣру едва ли удобно и полезно ¹⁰⁾.

Тѣ же самыя мѣры, какія правительственная власть, по мысли Филарета, должна употреблять по отношенію къ сектѣ молоканъ, съ равнымъ правомъ могутъ быть примѣняемы и къ сектѣ духоборцевъ, ибо «духоборцы, какъ извѣстно, одинаковаго духа съ молоканами». ¹¹⁾ «Къ жидовствующимъ» точно также «можно приложить мѣры, предполагаемыя для молоканъ, или въ то же время, или съ нѣкоторою постепенностію, по испытаніи оныхъ надъ молоканами». «Относительно скопцовъ. Поелику скопители истребляютъ потомство скопляемыхъ, то не было ли бы полезно дѣйствіе скопителей объявить въ законѣ преступленіемъ, близкимъ къ убійству, не столько для того, чтобы увеличить строгость наказанія, сколько для того, чтобы показать болѣе низкимъ и презрѣннымъ преступленіе?» ¹²⁾.

Законность и пользу охранительныхъ мѣръ относительно еретиковъ и раскольниковъ м. Филаретъ оправдывалъ не однимъ только фактомъ признанія ихъ вреда въ церковномъ и государственномъ, а еще: а) примѣромъ другихъ западно-европейскихъ государствъ, поддерживающихъ и охраняющихъ господствующія у себя вѣроисповѣданія; б) фактами исторіи и фактомъ распространенія самаго раскола и его еретическихъ сектъ и фракцій, показывающими, что стѣснительныя мѣры, выдержанныя строго и неуклонно, способны не только остановить успѣхи того или другаго возникшаго вѣроученія, но и вовсе подавить его распространеніе и, наоборотъ, мѣры кротости и снисхожденія къ нему способны его усилить; в) примѣромъ древне-вселенской церкви, которая въ лицѣ христіанскихъ императоровъ, св. отцевъ и соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ одобряла репрессивныя мѣры противъ еретиковъ и раскольниковъ и, наконецъ; г) необходимостью избѣжанія тѣхъ печальныхъ результатовъ для церкви и государства, которые воспослѣдуютъ, если расколь, со всѣми

¹⁰⁾ Собр. мн. и отв., II т., 369—372 стр.

¹¹⁾ Собр. мн. и отв. III т., 92 стр.

¹²⁾ Собр. мн. и отв. II т., 372 стр.

своими развѣтвленіями, будетъ признанъ отдѣльнымъ въ государствѣ и совершенно свободнымъ въ своихъ внѣшнихъ обнаруженіяхъ вѣроисповѣданіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ). Г. Добротинъ.

Изъ миссіонерскихъ лѣтописей, дневниковъ и записокъ.

Автобіографія сектанта Степана Шарипова, насадителя штунды въ Нижегородской губерніи *).

1894 г. августа 1 дня берусь я за перо и начинаю провѣрять ревностно шаткую жизнь мою со дня рожденія моего. Родился я 28 октября 1840 года отъ родителей крестьянскаго званія православнаго вѣроисповѣданія, въ которомъ и воспитывался я, и отданъ былъ родителями для обученія грамотѣ читать и писать приходскому дьякону, у котораго и кончилъ курсъ науки моего образованія. Одиннадцати лѣтъ въ 1851 году я лишился своего родителя и продолжалъ жить съ моей родительницей. Еще вмѣстѣ со мною воспитывался мой меньшей братъ. Жизнь моя съ самаго юношества направлена была ко благу, кротости и смиренію, вмѣсто юношескихъ забавъ полюбилъ я читать священное писаніе, а именно: житіе святыхъ отцевъ, которыя помѣщались въ мѣсячныхъ четъминяяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, увидя во мнѣ народъ такого ревностнаго мальчика, стали ко мнѣ во время праздничныхъ дней приходитъ ревностно набожные обою пола старики и старухи и я имъ читалъ житіе святыхъ отцевъ, рассказывалъ жизнь святыхъ и такъ далѣе; я и другіе приходившіе ко мнѣ просиживали цѣлыя ночи, увлекались въ эту мертвую букву, не подозрѣвая ея погубительной. А также я принадлежалъ ревностнымъ слугою нашей приходской видимой церкви, которую я цѣнилъ выше

*) Помѣщаемая на страницахъ нашего журнала автобіографія одного изъ выдающихся и типичныхъ распространителей новѣйшаго сектантства представляетъ собою весьма цѣнный и интересный документъ во многихъ отношеніяхъ, особенно для характеристики психологіи главарей сектантовъ. На скорбную исторію соврѣшенія Степана же похоже большинство случаевъ отпаденій нашихъ простолудиновъ. Заслуживаетъ вниманія и описаніе способовъ распространенія лжеученія въ столицѣ и деревняхъ. Описываетъ сектантъ свою жизнь собственноручно безыскусственно и вполне откровенно.

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Іюль—Августъ. 1900 годъ.

«Якоже посла Мя Отець, и Азъ посылаю вы». Іоанн. XX, 21.

«Идите паче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева». Мѡ. X. 6

«Скорбьми есть велія по братіи моей». Римл. IX, 1—3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 136.
1900.

тура. Немало есть у раскола и такихъ доброжелателей, которые наивно восторгаются тѣмъ, что „сектанты имѣютъ выборную іерархію, не нуждаются въ государственной помощи, не терпятъ, да и впередъ не потерпятъ бюрократическаго вмѣшательства въ духовныя дѣла“.

Къ числу послѣднихъ доброжелателей принадлежалъ и самъ Гиляровъ, въ только что процитованной статьѣ онъ разсуждаетъ дальше: „русскій расколъ съ русской государственностью не связываетъ себя; онъ охотно бѣжалъ прежде въ Польшу, въ Турцію, теперь устраиваетъ себѣ отчасти пребываніе въ Румыніи и Австріи. Неразрывнѣе прикрѣпленъ онъ къ національности... но, какъ ни тѣсно связанъ расколъ съ народностью, онъ не канцентриченъ съ нею“. Подобнымъ доброжелателямъ раскола, такъ же какъ выше упомянутымъ „безцерковнымъ“ и „простодушнымъ“ его сторонникамъ при общемъ всѣмъ имъ поверхностномъ знакомствѣ съ дѣйствительной жизнью нашего старообрядчества брошюрки, въ родѣ нами разсмотрѣнной, совершенно по душѣ. Раздающаяся „изъ за рубежа“ проповѣдь „всего существующаго строя нашей общественной жизни и церковно-государственныхъ отношеній въ этой средѣ найдетъ себѣ откликъ въ печалованьяхъ о современномъ состояніи нашего старообрядчества, на которыя такъ щедра „либеральная“ печать.

В. Доровеевъ.

(Окончаніе будетъ).

Церковно-государственныя воззрѣнія митрополита Филарета (Дроздова) на расколъ и секты ¹⁾.

Представленіе о полной вѣротерпимости западно-европейскихъ государствъ, по суду м. Филарета, совершенно несправедливо и только преувеличенно-оптимистическія воззрѣнія на все западное могли создать его. Вѣрнѣе же не западъ для Россіи, а «добрая и благородная Россія» для западныхъ государствъ можетъ служить образцомъ вѣротерпимости. Она смѣло можетъ «похвалиться» предъ ними своею вѣротерпимостью «къ признаннымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ и даже не христіанскимъ»,

такъ какъ въ ней нѣтъ для этихъ вѣроисповѣданій такихъ стѣсненій, которыя существуютъ, напр., въ Англии — странѣ, «хвалящейся своими свободными учрежденіями». Принципъ охраненія единства національной господствующей церкви, въ видахъ охраненія единства народнаго духа въ Англии, «дѣйствуетъ сильно, даже чрезмѣрно сильно, чего, повидимому, нельзя было бы ожидать отъ государства, которое наиболѣе другихъ пользуется свободой. Такъ, она имѣетъ нѣсколько милліоновъ не раскольниковъ, измѣнившихъ господствующей церкви, но римско-католиковъ, принадлежащихъ къ церкви, которая древнѣе англиканской и отъ которой произошла англиканская. Но какъ она поступаетъ съ ними?».. 1) «Только недавно римско-католической мейнгутской семинаріи назначено правительствомъ денежное пособіе, и противъ сего не перестаютъ еще спорить въ парламентѣ ревнующіе объ охраненіи господствующаго англиканскаго вѣроисповѣданія» 2). Мало того, «до сихъ поръ католики (какъ и всѣ вообще диссиденты) платятъ церковную подать въ пользу господствующей въ государствѣ англиканской церкви. Любители свободы вѣрованія неоднократно предлагали въ парламентѣ отмѣнить сію подать. Но охранители церкви не допускали сей отмѣны 3), «видя въ церковной подати связь единства между церковью и государствомъ» 4). Вотъ что говоритъ Израэли въ своемъ воззваніи къ избирателямъ: «охраненіе національной церкви заключаетъ въ себѣ вопросъ: принципъ религіи долженъ ли быть элементомъ нашей политической конституціи, должно ли государство быть освященнымъ и, съ уничтоженіемъ освященія, вызывающаго къ высшимъ чувствамъ челоуѣка, не превращается ли наша система управленія въ простую полицейскую систему? Во всемъ этомъ я вижу только одно развращеніе народовъ и паденіе царствъ. Я вѣрю, что конституція будетъ поддержана въ своихъ постановленіяхъ о церкви и государствѣ» 5). «Съ симъ иностраннымъ примѣромъ не бесполезно сравнить мнѣніе въ Россіи тѣхъ, которые до сихъ поръ въ пользу раскола, въ предосужденіе правительству, съ горечью напоминаютъ давно уничтоженную двойную съ раскольниковъ подать, какъ будто гоненіе, простирающееся и на нынѣшнихъ раскольниковъ» 6),

1) Собр. мн. и отз. V т., 2 ч., 742 стр.

2) Собр. мн. и отз. IV т., 331 стр.

3) Собр. мн. и отз. V т., 2 ч., 742—743 стр.

4) Тамъ же, IV т., 331 стр.

5) Собр. мн. и отз. V т., 2 ч., 743 стр.

между тѣмъ какъ дѣло идетъ не о томъ, «чтобы раскольники платили налогъ, въ пользу православной церкви, а только о томъ, чтобы они не расхищали духовнаго ея достоянія»¹⁾ Кромѣ Англии м. Филаретъ указываетъ и на другія европейскія государства, въ которыхъ существуютъ предѣлы вѣротерпимости. «Въ самой Франціи, говоритъ онъ, допускаются только признанныя вѣроисповѣданія, а для признанія требуется политическая извѣстность, въ чемъ именно состоитъ ученіе сего исповѣданія и что оно не угрожаетъ общественному порядку. Въ Швейцаріи же, землѣ протестантской, никто, кромѣ протестантовъ, не имѣетъ и права на общественныя должности. А чтобы допускать свободное существованіе обществъ, подобныхъ нашему расколу, скрывающихъ отъ правительства свои тайныя дѣйствія, требующихъ терпимости, когда сами не имѣютъ никакой терпимости, постоянно потрясающихъ въ народѣ понятіе о законности верховныхъ властей,—этого нельзя найти ни въ одной европейской землѣ»²⁾. Отсюда очевидно, что православное правительство Россіи, въ видахъ охраненія единства господствующаго вѣроисповѣданія, воспрещая закономъ лишь отпаденіе отъ православія и на этомъ основаніи принимая рядъ стѣснительныхъ мѣропріятій противъ раскола и его сектъ, какъ отпадшихъ отъ православной церкви, никоимъ образомъ не можетъ быть обвиняемо въ исключительной по сравненію съ западными государствами нетерпимости. Равнымъ образомъ очевидно, что если правительство допускаетъ при этомъ свободу иностранныхъ вѣроисповѣданій и не включаетъ въ ихъ число расколь и его секты, то черезъ сіе оно не нарушаетъ закона справедливости и не противорѣчитъ себѣ, ибо дѣлаетъ такъ по причинѣ только что указанной «великой разности» въ происхожденіи и характерѣ между первыми и послѣднимъ. «Римско-католики и протестанты пришли подъ русскую державу со своими вѣроисповѣданіями законнымъ путемъ: и потому, по справедливости, предоставляется имъ свобода ихъ вѣроисповѣданія; напротивъ того, раскольники суть отпадшіе и отпадающіе отъ православной церкви, осуждаемые закономъ государственнымъ, запрещающимъ такое отпаденіе. Если бы государство, осужденнымъ закономъ его, дало одинакія права съ неповинными предъ закономъ, то оно стало бы въ противорѣчіе съ

1) Тамъ же, V т. 2 ч. 743 стр.

собственнымъ закономъ и справедливостью вообще»¹⁾. Затѣмъ, при независимомъ отъ православной церкви происхожденіи, иностранныя исповѣданія чужды и нетерпимости по отношенію къ ней, а также вредныхъ политическихъ воззрѣній,—вслѣдствіе чего опять справедливо признаются закономъ. Въ случаѣ же, впрочемъ, стремленія проявлять что либо подобное, законъ преслѣдуетъ ихъ за таковыя преступленія наравнѣ съ раскольниками. Правда, по мнѣнію нѣкоторыхъ защитниковъ раскола, фактъ давняго его существованія достаточно, будто бы, самъ по себѣ говорить въ пользу дарованія раскольникамъ свободы вѣроисповѣданія. Въ положеніи раскола, говоритъ Филаретъ, нѣкоторые видятъ «странное явленіе,—непризнание 200 лѣтъ существующаго факта». Если сіе изреченіе принять въ точномъ, буквальномъ смыслѣ, то это не только странность, но даже и невозможность. 200 лѣтъ существуетъ расколъ и правительство не признаетъ его существующимъ, не видитъ, думаетъ, что его нѣтъ! Полно, такъ ли это? Кажется, правительство смотритъ на расколъ, какъ на существующій фактъ, когда оно говоритъ въ законахъ, напр.: мѣстныя полиціи обязаны вести именныя списки о рождающихся и умирающихъ раскольникахъ, и о числѣ ихъ представлять вѣдомости ежегодно гражданскому начальству. Итакъ, если говорить точнѣе, правительство признаетъ расколъ, какъ существующій фактъ, но какъ фактъ, существующій незаконно, потому что расколъ вообще существуетъ черезъ нарушеніе законнаго послушанія православной церкви, а безпоповщина, сверхъ того, преподаетъ ученіе противное закону, государственной власти, нравственности, не признаетъ же правительство не фактическое существованіе, а только законность раскола. Такое явленіе, кажется, не очень странно. Посему, если требуется признать расколъ, какъ существующій фактъ, по первому взгляду это справедливо и легко. Но при углубленіи въ значеніе сего требованія, оказывается, что требуется признать законнымъ то, что не безъ основанія донинѣ признаваемо было незаконнымъ. А это не легко согласить съ справедливостью, и не легко исполнить»²⁾. Далѣе, факты исторіи, по мнѣнію Филарета, вовсе не оправдываютъ то положеніе, «будто нигдѣ стѣсненіе сектъ не останавливало ихъ успѣха, а напротивъ того, будто бы содѣй-

ствовало ихъ распространенію, и что по сей самой причинѣ должно бы отмѣнить существующія о раскольникахъ постановленія, какъ стѣснительныя для нихъ». Подобное явленіе, по мнѣнію Филарета, если и имѣло гдѣ мѣсто, то лишь тамъ, гдѣ «мѣры были нетверды, гдѣ онѣ подвергались измѣненіямъ; а гдѣ онѣ были тверды, тамъ успѣхъ сектъ останавливался и даже уничтожался. Первая замѣчательная въ Европѣ секта гуситовъ, сначала было принявшая огромныя размѣры, потомъ энергическими мѣрами правительства подавлена такъ, что Богемія, гдѣ она возникла, совершенно обратилась въ римско-католическую страну. Снустя послѣ черезъ сто лѣтъ возникшее протестантство имѣло успѣхъ только тамъ, гдѣ сами государи явнымъ образомъ приняли его сторону. Но во Франціи, гдѣ сего не было и гдѣ правительство, наконецъ, сильнѣйшимъ образомъ противодѣйствовало протестантству, оно, послѣ отмѣны нантскаго эдикта, такъ ограничено, что уже не могло болѣе распространяться. Тѣ же слѣдствія были въ Бельгіи, гдѣ правительство употребило всѣ усилія противъ распространенія протестантства, а въ Испанію и Италію по сей самой причинѣ оно даже не могло и проникнуть, хотя и никакъ нельзя оправдывать ужасовъ безчеловѣчной инквизиціи. Въ Англіи протестантство окончательно утвердилось жестокими мѣрами покровительницы его королевы Елизаветы. Съ тѣхъ поръ и до нашего времени латинское исповѣданіе не имѣло тамъ никакихъ успѣховъ; но какъ только правительство уравнило послѣдователей онаго въ правахъ съ прочими гражданами, число приверженцевъ папы болѣе нежели удвоилось и теперь постоянно и быстро умножается. Въ Пруссіи лѣтъ за 12 предъ симъ появились было неокатолическія общества, но объ нихъ почти уже не слышно съ тѣхъ поръ, какъ правительство положило преграду ихъ незаконному распространенію. Если же истинная святая вѣра Христова распространялась въ первыя вѣка посреди жесточайшихъ гоненій, то это было неопровержимое знаменіе божественному ученію Спасителя, и примѣнять столь чудесное ея распространеніе къ невѣжественнымъ сектамъ, значило бы унижать дѣйствіе всевышней благодати. Но къ дальнѣйшему распространенію христіанства промыселъ Божій употребилъ въ послѣдствіи и покровительство властей: съ принятіемъ святой вѣры императорами римскими, распространеніе оной сдѣлалось гораздо болѣе быстрымъ и повсемѣстнымъ. Наконецъ, и во всѣхъ европейскихъ

христіанства особеннымъ образомъ способствовало покровитель-ство государей. И наша православная церковь горькимъ опы-томъ убѣдилась, что стѣсненія не распространяють, а подав-ляютъ, если не навсегда, то на долгое время, истинное ученіе вѣры. Такъ было въ западномъ краѣ Россіи, гдѣ гоненіе на православіе создало унію и могло бы въ конецъ подчинить весь народъ Риму, если бы промыслу Божию не угодно было возвра-тить тотъ край въ нѣдра православной Россіи, такъ и теперь въ австрійскихъ владѣніяхъ православіе, стѣсняемое тамошнимъ правительствомъ, постепеннo оскудѣваетъ. Что касается нашего раскола, всѣмъ извѣстно, что число послѣдователей его, не смотря на возникшія отъ нихъ самыя дерзкія смуты, было весьма малозначительно за исключеніемъ тѣхъ, которые отпадали въ расколъ, вслѣдствіе введенныхъ Императоромъ Петромъ I евро-пейскихъ обычаевъ; но только во времена Императора Петра III стали особеннымъ образомъ возрастать успѣхи раскола, по мѣрѣ, какъ возрастало снисхожденіе правительства, и, наконецъ, до-стигли неожиданныхъ размѣровъ къ концу царствованія Импе-ратора Александра I. Послѣ сего, (т. е. въ царствованіе Импе-ратора Николая) расколъ усиливался только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ со стороны мѣстныхъ властей оказывалась ему потачка; ослабѣвалъ же тамъ, гдѣ обращено было строгое вниманіе на его оказательства, на совращенія и на другія злоупотребленія. Итакъ, снисхожденіе къ расколу содѣйствовало и содѣйствуетъ его усиленію гораздо больше, нежели стѣсненіе» ¹⁾. Если же иногда и стѣснительныя мѣры противъ раскольниковъ не до-стигали своей цѣли, т. е. не въ состояніи были подавить раз-витіе какого-либо еретическаго или раскольническаго ученія, то отсюда нельзя еще извлекать возраженія противъ сихъ мѣръ. «Человѣкъ имѣетъ свободу заблуждать, не уступая не только благоразумію человѣческому, но и премудрости Божіей; не только власти человѣческой, ограниченной, но и Божію всемогущему правленію, которое посему только меньшую часть рода чело-вѣческаго приобрѣло христіанству и еще меньшую изъ сей части—христіанству православному» ²⁾. Затѣмъ, примѣръ древ-ней христіанской церкви, которая въ лицѣ христіанскихъ импе-раторовъ, св. отцовъ и соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ мо-тивировала рѣшеніе вопроса о стѣснительныхъ мѣрахъ по от-

¹⁾ Собр. мн. и отз., томъ дополнит. 463—465 стр.

ношенію къ еретикамъ и раскольникамъ въ положительномъ смыслѣ, съ достаточною ясностью свидѣтельствуешь, по мнѣнію Филарета, о законности и пригодности такихъ мѣръ.

«При торжествѣ церкви въ царствованіе Константина Великаго всѣ силы власти, направленныя дотолѣ противъ церкви, обращены къ защитѣ внутренняго и внѣшняго ея благоденствія. Христіанскіе императоры содѣйствовали ей искорененіемъ остатковъ идолопоклонства и низложеніемъ еретиковъ. Въ высшей степени поучительно знакомиться ближе съ законами, изданными противъ язычниковъ и еретиковъ Константиномъ Великимъ и его преемниками Θεодосіемъ, Юстиніаномъ и другими благочестивыми императорами. Когда христіанство восторжествовало, языческіе жрецы, весьма естественно, не могли уже оставаться при своихъ прежнихъ преимуществахъ, но сверхъ того у всѣхъ язычниковъ отнять доступъ къ высшимъ почетнымъ и придворнымъ должностямъ, какъ такимъ, которыя увеличивали бы ихъ вліяніе на народъ,—повелѣно было сокрушать идоловъ, капища разрушать, или превращать въ христіанскіе храмы, или запирать, воспрещая входъ въ оныя, подъ опасеніемъ тяжелой пени, жертвоприношенія и вообще обряды языческіе были строжайше запрещены, и возобновителямъ языческаго богослуженія угрожало наказаніе. Строгость этихъ мѣръ была вызвана яснымъ сознаніемъ, что безъ нея невозможно было бы избавить вѣрныхъ отъ постояннаго соблазна. Потому, блаженный Августинъ, упоминая о законахъ, имѣвшихъ цѣлью искоренить языческіе обряды, говоритъ: «конечно, между нами нѣтъ никого, кто бы не одобрялъ этихъ законовъ». И въ отношеніи къ еретикамъ императоры помнили, что «мать должна миловать свои чада и защищать ихъ, и что она была бы немилостива и жестока, если бы, охраняя волковъ, погубила овецъ». Въ выборѣ же средствъ для охраненія вѣрныхъ отъ ересей благочестивые императоры соображались съ обстоятельствами, употребляли благоразумныя, но твердыя мѣры къ убѣжденію заблуждшихъ, а въ случаѣ сопротивленія и буйства, простирали строгость не на всѣхъ, а только на главныхъ лжеучителей и вообще не предпринимали того, что не принесло бы пользы, а только бы больше ожесточало противниковъ. Смертной казни подвергались еретики только въ томъ случаѣ, когда они доходили до ожесточеннаго сопротивленія властямъ или до преступленій противъ...

Главные законы, изданные императорами для сохраненія православія и обузданія еретиковъ заключались въ слѣдующемъ. Сборища еретическія были строжайше запрещены и нарушающіе это запрещеніе подвергались изгнанію или пенѣ. Запрещено было еретикамъ строить церкви; а тѣ дома, въ которыхъ они собирались, были конфискуемы. Запрещено было еретикамъ посвящать кого либо въ епископы, священники и діаконы. Съ особенною строгостью поступаемо было съ тѣми, кто совращалъ другихъ. Лжесвященники подвергались тяжелой пенѣ, изгнанію или ссылкѣ. Особенными законами охранялись тѣ христіане, у которыхъ между родственниками были еретики. Еретики не имѣли права ни передавать другимъ свои имѣнія по завѣщанію, ни принимать завѣщанное. Приверженцы нѣкоторыхъ сектъ (напр. манилеи) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ всѣ еретики подвергались изгнанію или пенѣ. Только одинъ императоръ подъ предлогомъ, что вѣра не терпитъ принужденія, отмѣнилъ всѣ законы противъ еретиковъ, возвратилъ ссыльныхъ и сравнилъ въ правахъ съ православными. То былъ Юліанъ отступникъ. За исключеніемъ его, всѣ императоры сознавали пользу и необходимость законовъ, охраняющихъ правовѣріе и правовѣрныхъ. Понимая же, что законы должны быть не только издаваемы, но также и исполняемы, и видя вредъ и опасность отъ незаконнаго и своекорыстнаго свисхожденія нѣкоторыхъ правителей къ еретикамъ, императоры опредѣлили тяжкую пеню и лишеніе должности для правителей и судей за отступленіе ихъ отъ сихъ законовъ; сами же въ своемъ лицѣ являли примѣръ ревности по православію. Законами запрещено было еретикамъ обращаться къ нимъ лично и утруждать ихъ прошеніями. вмѣстѣ съ тѣмъ императоры охраняли чистоту общественныхъ нравовъ, воспрещая зрѣлища въ праздничные дни, и т. п., сознавая, впрочемъ, что содѣйствіе правительства есть хотя и необходимое, существенное, но не единственное условіе утвержденія вѣры. Тогда какъ государи старались разными законами приводить отторгшихся къ единенію съ церковью, пастыри церкви не переставали увѣщевать и поучать заблуждшихся.

«Если бы еретики, говоритъ блаженный Августинъ въ письмѣ къ Викентію, были только устрашаемы государственными законами, но при этомъ не были бы и поучаемы, то это могло бы казаться несправедливостью и насиліемъ. А если бы они только

слабо побуждались бы вступить на путь спасенія. Но къ полезному страху присоединяется спасительное наставленіе, такъ что не только свѣтъ истины изгоняетъ мракъ заблужденія, но также и оковы дурной привычки разрываются силою страха. Я самъ прежде былъ того мнѣнія, что не должно употреблять никакихъ внѣшнихъ побужденій къ единенію съ церковью и что надобно дѣйствовать только словомъ, сражаться одними разсужденіями, побѣждать доказательствами, чтобы не имѣть намъ ложныхъ православныхъ въ тѣхъ самыхъ людяхъ, которые прежде были открытыми еретиками. Но это мое мнѣніе было оспорено не словами, а фактами. Многіе, убѣжденные очевидной истиной, давно хотѣли быть православными, но боясь своихъ, ежедневно откладывали свое обращеніе. Многихъ удерживала сила привычки или нерадѣніе. Многіе думали, что нѣтъ различія, принадлежитъ ли кто къ числу православныхъ или нѣтъ, и оставались въ ереси потому только, что въ ней родились и что никто не побуждалъ ихъ перейти къ православію. Всѣхъ этихъ возвратили въ лоно церкви законы (противъ еретиковъ изданные), и кого безопасность дѣлала нерадивыми, тѣхъ обратила попечительность о нихъ церкви и правительства, и теперь они же торжествуютъ обращеніе свое какъ самый свѣтлый праздникъ. И такъ, да служатъ царіи земные Христу, подавая также законы въ пользу ученія Христа». «Лучше», говоритъ тотъ же учитель церкви въ другомъ письмѣ: «лучше, конечно, (кто же сомнѣвается?) однимъ поученіемъ приводить людей къ истинному благочестію, и не побуждать ихъ страхомъ наказанія. Но оттого, что одни изъ людей лучше, не должно оставлять безъ попеченія тѣхъ, которые хуже». «Опытомъ доказано, что многимъ было полезно сперва быть понужденными страхомъ, чтобы послѣ они могли или научиться или на дѣлѣ исполнить то, чему учились на словахъ. Конечно, тѣ лучше, которыми управляетъ любовь, но тѣхъ больше, которыхъ исправляетъ страхъ. Не всякій, кто насъ щадитъ, намъ другъ, и не всякій, кто насъ не щадитъ, намъ врагъ. Кто можетъ любить насъ болѣе, какъ не Богъ? Однако и онъ не перестаетъ не только нѣжно поучать насъ, но также и спасительно устрашать. Иногда тать, посыпая кормъ, отманываетъ отъ стада, а иногда пастухъ, ударяя бичемъ, пригоняетъ къ стаду блуждающихъ овецъ. Если бы кто, видя врага своего въ горячкѣ и безпамят-

прежнюю жизнь и жалкія заблужденія, тогда какъ къ сему спасительному сознанію приведены были строгими законами? Нѣкоторымъ эти законы не послужили въ пользу, но развѣ должно бросать лекарство отъ того, что безуміе нѣкоторыхъ неисцѣлимо. Тѣ, которые не хотятъ видѣть законовъ противъ ихъ нечестія, говорятъ, что апостолы не просили помощи у земныхъ царей. Кто такъ говоритъ, тотъ забываетъ, что тогда было иное время, а что все должно дѣлаться въ свое время. Ибо какой императоръ тогда увѣровалъ во Христа и хотѣлъ бы служить ему изданіемъ законовъ въ пользу благочестія противъ нечестія? Тогда исполнялось еще пророческое изреченіе: «вскую шаташася языцы, и людіе поучишася тщетнымъ. Предсташа царіе земстїи и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его». (Псал. 2, ст. 1—2). Тогда еще не приводилось въ дѣйствіе то, о чемъ говорится въ томъ же псалмѣ немного ниже: «и нынѣ царіе разумѣйте, накажитесь вси судящїи земли. Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ». Какимъ же образомъ царіи служатъ Богу со страхомъ, если не воспрещая и наказывая съ благочестивою строгостью то, что противно заповѣдямъ Господнимъ? Ибо иначе служить царь Богу, какъ человѣкъ, и иначе, какъ царь. Какъ человѣкъ, онъ служитъ Богу, живя по христіански; но поелику онъ также царь, онъ служитъ Богу, издавая законы, повѣлевающіе то, что праведно, а противное сему воспрещая съ приличной строгостью. Такъ Господу служилъ Езекія (4 кн. Царствъ, гл. 18, ст. 4), который разрушилъ дубравы и капища языческія. Такъ служатъ Господу цари, поколику они цари, когда дѣлаютъ во славу Божию то, что могутъ дѣлать только цари. Никто изъ здравомыслящихъ не дерзнетъ сказать царямъ, что имъ нѣтъ нужды до того, каковы ихъ подданные, цѣломудренны или развратны; и кто, кромѣ безумнаго, можетъ сказать имъ: не заботьтесь, въ какомъ бы состояніи ни находилась церковь Господня въ государствѣ вашемъ, пользуется ли она миромъ или терпитъ бѣдствія отъ враговъ своихъ; благочестіе и нечестіе подданныхъ вашихъ не подлежатъ вашему смотрѣнію? Пастыри церковные просятъ помощи у христіанскихъ императоровъ, не отомщая за себя, но охраняя ввѣренныя имъ паствы. Если бы они этого не дѣлали, слѣдовало бы порицать ихъ за нерадіе. Ибо и

воды бл. Августина говорить: «укрощать и исправлять еретиковъ посредствомъ установленныхъ отъ Бога властей мнѣ кажется не бесполезнымъ. И такъ какъ говорить: «нѣсть власть, аще не отъ Бога», то, бозь сомнѣнія, когда цари оказываютъ церкви помощь, помощь сія намъ о имени Господа, сотворившаго небо и землю». Кромѣ бл. Августина, можно бы привести еще свидѣтельства св. Іоанна Златоустаго, совѣтовавшаго раззорять сборища еретиковъ, и свидѣтельства многихъ другихъ св. отцовъ».

«Обратимся къ правиламъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Святыми отцами кареагенскаго собора (правила котораго утверждены VI и VII вселенскими соборами) заблагоразсуждено просить царей объ искорененіи остатковъ идолопоклонства, объ истребленіи идоловъ, разрушеніи капищъ; воспрещеніи языческихъ пиршествъ и вообще обо всемъ, что усмотрять полезнымъ противъ еретиковъ и еллиновъ и противъ суевѣрій ихъ (пр. 69, 71, 95, 120), также признано приличнымъ просить начальниковъ областей о вспоможеніи общей матери, католической церкви, противъ еретиковъ (пр. 78). Того же кареагенскаго собора 59 правиломъ и VI вселенскаго 23 правиломъ, антиохійскаго 5 и 11, константинопольскаго 9 правиломъ постановлено: «нарушающихъ церковное устройство удалять и неволею изъ царствующаго града; производящихъ въ церкви возмущенія и крамолы и не хотящихъ покоряться кроткому увѣщанію церковныхъ пастырей обращать, какъ мятежниковъ къ порядку свѣтскою властью». Сто четвертымъ правиломъ кареагенскаго собора было постановлено просить благочестивыхъ царей, Аркадія и Гонорія, чтобы возстановленъ былъ законъ Θεодосія Великаго о взысканіи по 10 фунтовъ золота съ еретиковъ, рукополагающихъ и рукополагаемыхъ, а также и о запрещеніи еретикамъ передавать или получать что либо по завѣщанію. «Царскому человѣколюбію (сказано при этомъ) подлежитъ пещися, чтобы католическая церковь, родившая ихъ Христу и крѣпостью вѣры воспитавшая, была ограждена ихъ промышленіемъ. Противъ неистовства отщепенцовъ просимъ дати намъ божественную помощь, но необычную и нечуждую святымъ писаніямъ. Ибо апостоль Павелъ, какъ показано въ истинныхъ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, соумышленіе людей без-

раторствъ къ дѣйствию въ пользу церкви». Наконецъ, охранительныя по отношенію къ православной церкви мѣры дадутъ возможность государству избѣжать цѣлый рядъ неудоборазрѣшимыхъ вопросовъ и затрудненій, которые неизбежно должны родиться, если оно, оставивъ политику ограниченія и стѣсненія по отношенію къ расколу и его сектамъ, рѣшится официально признать его особымъ вѣроисповѣданіемъ, несмотря на его зловредный во многихъ отношеніяхъ характеръ. Рѣшившись признать расколъ, правительство прежде всего должно стать, по замѣчанію м. Филарета, въ сильное недоумѣніе передъ вопросомъ: всѣ ли раскольническія секты, которымъ нѣсть числа, должны получить свободу вѣроисповѣданія, или только нѣкоторыя изъ нихъ? а если такъ, то какія? Признать всѣ секты правительство не можетъ и не рѣшится, въ виду очевиднаго и сильнаго антигосударственнаго направленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, не говоря объ антицерковномъ, а признавъ лишь немногія секты, оно не только не рѣшитъ затруднительнаго вопроса, но и дастъ прямой поводъ къ волненіямъ среди самихъ раскольниковъ, которые, увидя примѣръ, всѣ безъ исключенія съ настойчивостью и даже дерзостью станутъ домогаться свободы. «Придутъ предъ правительство раскольники бѣлокриницкаго отдѣленія, и скажутъ: признайте нашихъ архіереевъ и поставляемыхъ ими священниковъ. За симъ придутъ раскольники новорусскіе и скажутъ: мы отказались отъ бѣлокриницкихъ архіереевъ; думаемъ, что и правительству они не угодны: признайте нашего Антонія, архіепископа владимірскаго, около десяти другихъ существующихъ и многихъ имѣющихъ быть архіереевъ и поставляемыхъ ими священниковъ. Далѣе придутъ старые поповцы и скажутъ: мы понимаемъ, что австрійскіе, и ими поставленные архіереи и священники незаконны; и потому желаемъ имѣть по старому русскихъ бѣглыхъ священниковъ законными. Потомъ явятся безпоповцы разныхъ толковъ, и скажутъ: признайте нашихъ большаковъ, нынѣшнихъ и завтрашнихъ, такъ какъ мы, можетъ быть, завтра нынѣшнихъ смѣнимъ и поставимъ другихъ. За симъ могутъ придти и бѣгуны и сказать: признайте и нашихъ начальниковъ, бѣглыхъ крестьянъ и бѣглыхъ солдатъ. Когда прославится такая свобода расколовъ и сектъ, не рѣшатся ли придти скопцы и хлысты и

родицею. Трудно найти конецъ этому ряду сектъ, требующихъ себѣ правъ. А что будетъ въ селеніяхъ? Придутъ въ селеніе лжесвященникъ австрійскій, лжесвященникъ русскій, бѣглый русскій священникъ, большакъ непоповщинскій и ненаказанно будутъ расхищать и раздѣлять одно селеніе на нѣсколько приходоу разныхъ вѣрѣ. Одному законному пастырю трудно будетъ превозмочь многихъ волковъ. А ихъ будетъ очень много. Безъ мѣры умножатся, какъ уже размножаются, лжеархіереи австрійскіе и русскіе и безъ мѣры будутъ превращать крестьянъ и мѣщанъ въ лжесвященники. Гдѣ тогда будетъ церковное единеніе россиянъ? А такая большая утрата единенія церковнаго можетъ ли быть безвредна для единодушія народнаго въ государствѣ»¹⁾.

Не имѣя возможности дать свободу вѣроисповѣданія всѣмъ раскольническимъ сектамъ безъ явнаго и большого ущерба для народнаго единства, правительство не можетъ дать этой свободы и сектамъ наименѣе вреднымъ въ церковномъ и государственномъ отношеніи, напр. сектѣ поповщинской. Ибо въ этомъ случаѣ опять возникли бы трудно разрѣшимыя недоумѣнія и прежде всего въ виду раздробленія самого поповщинскаго раскола. «Въ настоящее время въ его лже ерархіи находятся въ броженіи три стихіи: 1) лжеіерархія русская, примыкающая къ такой же австрійской, 2) русская, отдѣляющаяся отъ сей, 3) бѣглое священство русскаго православнаго рукоположенія. При появленіи въ московской епархіи австрійскаго лжесвященства, сперва немногіе принимали его, а лучшая и большая часть раскольниковъ отвергали, какъ незаконное. По времени, его вліяніе распространилось особенно въ селеніяхъ, по недостатку лучшаго. Теперь, когда открылось провозглашеніе русской лжеіерархіи, независимой отъ австрійской, нѣкоторые продолжаютъ держаться австро-русскаго лжесвященства, нѣкоторые уже отвергаютъ его и принимаютъ чисто русское; а гдѣ можно, оставляютъ и то и другое и обращаются къ бѣглому священнику русскаго православнаго рукоположенія. Итакъ, неужели признать три раскольническія іерархіи и, если позволительно такъ выразиться, три церкви раскольническія? Если и отвергнуть стирію австро-русскую: останутся еще лжеіерархія русская и бѣглое отъ православной церкви священство. Можно ли цеховаго Андрея Шу-

пископомъ? Можно ли образовать іерархію изъ бѣглыхъ священниковъ? Возможно ли сіе со стороны какъ правительства, такъ и со стороны самихъ раскольниковъ, по понятію которыхъ для полной іерархіи необходимы епископы? Неужели найдется средство создать еще бѣглыхъ епископовъ» ¹⁾? Но приведенными затрудненіями далеко не прекращается рядъ ихъ. Наболѣе важное затрудненіе состоитъ въ томъ неопредѣленномъ положеніи, въ какое съ признаніемъ раскольническихъ лжеіерархій должна будетъ стать главная опора государственнаго единства и силы—православная церковь. Ни «Кирилла, который въ противность первому апостольскому правилу рукоположенъ однимъ епископомъ, и при томъ, не имѣвшимъ права рукополагать, православная церковь не можетъ признать истиннымъ епископомъ» ²⁾, ни рукоположенныхъ имъ священниковъ. «Изъ сего слѣдуетъ, что если бы когда либо гражданское начальство въ сношеніи съ духовнымъ православнымъ упомянуло бы объ Антоніи, архіепископѣ владимірскомъ, духовное начальство обязано было бы отвѣчать, что оно не знаетъ архіепископа Антонія, а знаетъ только цехового Андрея Шутова» ³⁾. Равнымъ образомъ, «если бы гражданское начальство рѣшилось смотрѣть на бѣглыхъ священниковъ, какъ на законныхъ у раскольниковъ, духовное начальство, тѣмъ не менѣе, обязано было бы, по правиламъ церковнымъ, признавать ихъ запрещенными въ священнослуженіи и подлежащими лишенію сана, и тогда оказалось бы, что государство доставляетъ ненаказанность виновнымъ передъ православною церковью и поощряетъ дезертированіе изъ церковной службы. Какъ же можно было бы выйти изъ такихъ противорѣчій? Принуждать ли православную іерархію признавать то, что противно церковнымъ правиламъ и ея совѣсти? Но это значило бы нарушать государственный въ Россіи законъ, предоставляющій свободу даже нехристіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, и православная іерархія была бы обязана лучше пострадать, нежели подчиниться такому принужденію, по слову апостольскому: и повиноваться подобаетъ Богу, паче нежели человѣкомъ» (Дѣян. V, 29) ⁴⁾. Такимъ образомъ призна-

1) Собр. мн. и отв. V т., I ч., 494 стр.

2) Собр. мн. и отв. V т., I ч., 494 стр.

еще повести къ нарушенію того единенія и согласія, которыя въ настоящее время существуютъ между православною церковью и государствомъ и до сихъ поръ не были нарушаемы никакими взаимнопротиворѣчащими воззрѣніями,—къ разрушенію искони существующей въ Россіи гармоніи между ними, которой нѣтъ у другихъ народовъ христіанскихъ, и которою Россія только и можетъ быть сильна.—слѣдовательно, къ такому разрушенію, послѣдствія котораго трудно и взвѣсить ¹⁾. Наконецъ, вмѣстѣ съ указанными весьма важными затрудненіями церковно каноническими и государственными, оффиціальное признаніе раскольническихъ лжеіерархій должно возбудить немало недоумѣній административно-практическихъ, хотя и не особенно важныхъ, однако не легко разрѣшимыхъ. Если «въ одномъ городѣ будутъ двѣ каѳедры, два архіерея: православный послѣдняго рода можетъ быть и не одинъ; два епархіальныхъ управленія, въ одномъ селеніи два прихода: православный и экс-православный, въ одномъ селѣ или деревнѣ одинъ дворъ православной епархіи, другой экс-православной,—сколько случаевъ къ столкновеніямъ и запутанностямъ? Гдѣ будутъ предѣлы епархій и приходовъ? Теперъ лжеепископы и лжесвященники, изъ мѣщанъ и крестьянъ, числятся въ сихъ званіяхъ, и ходятъ съ паспортами сихъ званій: останутся ли они и тогда въ сихъ званіяхъ, или будутъ выдѣлены, и при томъ однолично, или съ семействами и потомствомъ, и тогда, какъ жалуются на многочисленность православнаго духовенства, создастся новое, многочисленное духовенство экс-православное, особенно если оно получитъ и діаконовъ и причетниковъ? Будутъ ли экс-епископы православные имѣть консисторіи и на какомъ содержаніи? Или будутъ оставлены съ нынѣшнимъ управленіемъ, произвольнымъ, неограниченнымъ законами и правильными формами, чтобы безконтрольное своеволіе удобнѣе прельщало и привлекало къ нимъ православныхъ? Изъ какихъ источниковъ, и въ какихъ размѣрахъ, будутъ имѣть содержаніе экс-православные епископы и священники» ²⁾ и проч. Рѣшеніе всѣхъ сихъ вопросовъ съ признаніемъ поповщинскаго раскола необходимо для устраненія многочисленныхъ поводовъ къ столкновеніямъ и запутанностямъ; но легко ли это сдѣлать?

Г. Добротинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОДЪ V-й

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Ноябрь. 1900 годъ.

«Якоже посла Мя Отець, и Азь
посылаю вы». Иоанн. XX, 21

«Идите паче ко овцамъ пог-иб
шимъ дому Израилева». Мѡ. X. 6.

«Скорбьми есть велія по братіи
моей». Римл. IX, 1—3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. В. Комарова. Невскій, № 136.

1900.

Церковно-государственные воззрѣнія митрополита Филарета (Дроздова) на расколь и секты ¹⁾.

Въ предшествующихъ главахъ мы опредѣлили то, каковъ съ точки зрѣнія м. Филарета, долженъ быть общій характеръ воздѣйствія государственной власти на расколь и различныя его еретическія секты и фракціи, какъ этотъ общій характеръ долженъ видоизмѣняться въ частномъ своемъ примѣненіи къ расколу и его сектамъ и фракціямъ сообразно направленію и духу ученія послѣднихъ и въ чемъ находятъ свое оправданіе. Это опредѣленіе показало намъ, что мѣры государственной власти, направленные противъ еретиковъ и раскольниковъ, должны исключать, по Филарету, всякую мысль о возможности представленія послѣднимъ права абсолютной индивидуальной религіозной свободы или, что то же, безграничной свободы въ дѣлахъ вѣры и совѣсти. Желая видѣть въ основѣ вѣроисповѣдной политики русскаго государства примѣненіе христіанскаго начала терпимости въ дѣлахъ вѣры, въ то же время Филаретъ требовалъ отъ него, чтобы это начало было умѣряемо, ограничиваемо другими началами, началами «справедливости и осторожности». Ограниченіе раскола и его еретическихъ сектъ и фракцій въ правахъ религіозной свободы вытекаетъ, по мнѣнію Филарета, изъ признанія его вредности въ церковномъ и государственномъ отношеніи, но это же самое признаніе, по его суду, служить достаточнымъ основаніемъ къ ограниченію правоспособности раскола и его сектъ и фракцій не только религіозной, но и всякой другой политической и гражданской. «Права въ православномъ государствѣ, говоритъ Филаретъ, принадлежатъ православному христіанину и вѣрноподданному. Выступающій изъ послушанія православной церкви, подобно какъ отступающій отъ обязанности вѣрноподданства, болѣе или менѣе теряетъ права, или подвергаетъ себя ограниченію правъ, а не приобрѣ-

¹⁾ См. Миссіон. Обзор. 1900 г. іюнь

Собственно говоря, по мнѣнію Филарета, вопросъ о правахъ раскольниковъ не можетъ быть даже и возбуждаемъ. Если же вопросъ въ силу такихъ или иныхъ обстоятельствъ и поставленъ для рѣшенія, въ такомъ случаѣ бываетъ умѣстна рѣчь «не о правахъ наслѣдниковъ, а возможномъ уменьшеніи тѣхъ въ общихъ правахъ ограниченій, которымъ раскольники подвергли себя, и подвергнуты законами, выступивъ изъ законныхъ отношеній къ православной церкви» ²⁾. Такимъ образомъ, вопросъ о правахъ раскольниковъ можетъ быть рѣшенъ не въ томъ смыслѣ, «чего раскольники могутъ требовать по праву», а въ томъ, «что государственная власть можетъ дать имъ по своему духу терпимости и свободолобія» ³⁾.

Съ точки зрѣнія этихъ общихъ принципіальныхъ сужденій м. Филаретъ отрицалъ нѣкоторыя гражданскія права раскольниковъ, напр. право семейное или законность раскольническихъ брачныхъ союзовъ. Съ церковной точки зрѣнія бракъ есть таинство, которое раскольники или вовсе отвергають, или же если и признають, то совершаютъ его внѣ православной церкви самочинно постановленными священниками, черезъ что, по мнѣнію Филарета, лишаютъ себя и права признанія законности его ⁴⁾. Поэтому, когда возникъ вопросъ о признаніи законности такихъ союзовъ между сектаторами со стороны гражданской власти, основанномъ на правѣ послѣдней утверждать особыми формами раскольническія брачныя сопряженія безъ вѣнчанія (записью такихъ случаевъ въ особія полицейскія книги), м. Филаретъ отнесся къ этому проекту отрицательно. Въ основѣ этого проекта была положена та мысль, что совершенное непризнаніе гражданской властью супружескихъ между сектаторами союзовъ, не освященныхъ вѣнчаніемъ въ православной или единовѣрческой церкви, открывая обширное поле своеволію и ничѣмъ несдержанному ргазулу страстей, губительно дѣйствуетъ на нравы ⁵⁾. М. Филаретъ соглашался, что эта мысль, если только она справедлива, дастъ сильное побужденіе къ признанію такихъ браковъ. Но дѣйствительно ли эта мысль справедлива? На этотъ вопросъ м. Филаретъ отвѣчаетъ такъ. «Твердость

1) Собр. мн. и отв. V т., ч. 2-я, 580 стр.

2) Тамъ же, 580 стр.

брака, поставляющая преграду разгулу страстей, религіознаго убѣжденія въ святости брака, а не отъ записи его въ обывательскую полицейскую книгу. Бракъ раскольника, пріемлющаго священство, совершенный священникомъ, обязываетъ его совѣсть силою закона Божія, и тѣмъ поставяетъ преграду разгулу страстей и охраняетъ нравы, не смотря на то, признанъ ли оный или не признанъ гражданскою властью. Бракъ безпоповца, связанный только волею родителей, или непосвященнаго большака, не имѣетъ такого охранительнаго дѣйствія на совѣсть; а еще болѣе благопріятствуетъ разгулу страстей совершенное непризнание брака, по ученію секты. Итакъ, не отъ признанія сектаторскихъ браковъ гражданскою властію происходитъ у нихъ разгулъ страстей и порча нравовъ, а отъ духа самихъ сектъ, и гражданскій законъ о бракахъ не уврачуеетъ сего зла, потому что не перемѣнитъ духъ сектъ¹⁾. Признание законности раскольническаго брака со стороны гражданской власти поставило бы самую эту власть въ противорѣчіе съ принципами справедливости и законности, ибо допустить такое признание «значило бы ввести новый неизвѣстный и противный законамъ родъ супружескихъ сопряженій, непризнанное законами признать, незаконное узаконить, терпимое по нуждѣ обратить въ покровительствуемое. Сіе послужило бы сильнымъ подкрѣпленіемъ расколу, и произвело бы новыя затрудненія по отношенію къ существующимъ законамъ»²⁾. Итакъ, если съ точки зрѣнія церковной раскольническій бракъ нужно признать незаконнымъ если и гражданское признание законности этого брака не ведетъ къ той цѣли, для которой признается его законность, а еще и ставитъ гражданскую власть въ противорѣчіе съ справедливостью и законами страны, то, по суду м. Филарета, запись о раскольническихъ брачныхъ сопряженіяхъ не должна быть дѣлаема не только въ церковныхъ метрикахъ³⁾, но и въ гражданскихъ или въ особо назначенныхъ для сей цѣли полицейскихъ книгахъ.

Но особенную силу доказательности получаетъ у Филарета мысль о незаконности веденія записи раскольническихъ браковъ въ полицейскихъ книгахъ, когда онъ обращаетъ вниманіе правительства на тѣ въ высшей степени ненормальныя, съ церковной точки зрѣнія, слѣдствія, которыя влечетъ за собою самый

никами союзы, рассуждаетъ Филаретъ о формѣ указанныхъ записей, не освященные вѣнчаніемъ въ церкви, но записанные въ особыхъ полицейскихъ книгахъ, полагается «признать не подлежащими оспариванію». Последнее выраженіе должно признать неточнымъ. Кроме того, что такіе браки въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть оспариваемы передъ судомъ церковнымъ, они по необходимости могутъ подвергнуться оспариванію, если, послѣ записи въ полицейскихъ книгахъ, откроется, что они связаны въ очень близкомъ родствѣ, или, что мужъ вступилъ въ бракъ отъ живой жены и проч. Точнѣе было бы выраженіе, что браки не вѣнчанные въ церкви, а только записанные въ полицейскихъ книгахъ, признаются не вполне правильными, однако имѣющими силу для пользованія правами гражданскими». Самая правильность раскольническихъ браковъ, по мнѣнію Филарета, не достаточно гарантирована записью въ полицейской книгѣ. Запись не есть надежное основаніе правильности. «Сказать неправду въ пользу раскола, раскольники или не почитаютъ за грѣхъ, или почитаютъ такимъ грѣхомъ, который наставники ихъ легко простятъ, или очистятъ нѣсколькими земными поклонами. Итакъ, явятся къ полицейской записи брака свидѣтели, раскольники скроютъ, что между женихомъ и невѣстою есть близкое родство, или что кто нибудь изъ нихъ былъ въ трехъ бракахъ и вступаетъ въ четвертый, или что былъ присоединенъ къ православнои церкви: и бракъ будетъ признанъ ко вреду православія и къ соблазну православныхъ. Впрочемъ, здѣсь легче показать, на какой сомнительный путь вступаетъ законодательство, нежели указать путь несомнительный»¹⁾).

Насколько съ точки зрѣнія м. Филарета ненормальнымъ явленіемъ по своимъ слѣдствіямъ нужно считать признаніе законности раскольническихъ брачныхъ сопряженій, сдѣланное посредствомъ записи послѣднихъ въ полицейскія книги, настолько же ненормальнымъ по своимъ слѣдствіямъ, по суду м. Филарета, нужно считать и расторженіе таковыхъ браковъ при помощи гражданской власти. По составленнымъ въ проектѣ правиламъ, расторженіе заявленнаго раскольническаго брака представлялось вѣдѣнію палаты гражданского суда. Въ приложеніи этихъ правилъ м. Филаретъ видѣлъ многія неудобства. «Преть совѣстью раскольниковъ, пріемлющихъ священство, го-

какъ бракъ въ православной церкви. Чтобы палата гражданская прекратила дѣйствіе таинства, а отнимала отъ супружества благодать и благословеніе, данныя ему таинствомъ, — это есть несообразность, поражающая религіозную мысль и религіозное чувство. Но если сія несообразность войдетъ въ практику, и вслѣдствіе сего распространится мысль, что бракъ есть такой союзъ, который можетъ быть уничтоженъ гражданскою властью, подобно контракту, или другому гражданскому акту, то симъ подорвано будетъ уваженіе къ святости брака, и сокрушена будетъ надежнѣйшая опора твердости и чистоты брачнаго союза. И сей соблазнъ будетъ угрожать не только раскольникамъ, но и православнымъ, особенно при распространяющейся уже нынѣ слабости нравовъ. Въ бракоразводныхъ дѣлахъ встрѣтится нужда принять въ соображеніе и церковныя правила. Но это, по свойству церковнаго законодательства, не такъ удобно для гражданской власти, какъ примѣнять къ дѣлу статью Свода Законовъ. Дабы, хотя отчасти, устранить показанныя неудобства, не было ли возможно предположенное правило о гражданскомъ расторженіи раскольническихъ браковъ замѣнить слѣдующимъ образомъ? 1) Дѣла о преступленіяхъ раскольниковъ противъ твердости и чистоты супружескихъ союзовъ подлежатъ вѣдѣнію палаты гражданского суда; 2) если въ сихъ дѣлахъ встрѣтятся случаи, требующіе примѣненія церковныхъ законовъ, то палата сносится съ православнымъ духовнымъ начальствомъ, како церковный законъ долженъ быть примѣненъ къ представившемуся въ дѣлѣ случаю; 3) если духовное начальство объявитъ, что представившійся случай ведетъ къ расторженію брака, то палата объявляетъ бракъ уничтоженнымъ¹⁾. Если, съ точки зрѣнія духовной, по суду м. Филарета, раскольническія брачныя сожитія нужно признать незаконными союзами, то естественно, что въ его глазахъ должны были быть признаны незаконными же, какъ жены, состоящія въ такихъ союзахъ, или супружествахъ, такъ и дѣти, прижитыя въ нихъ²⁾. Поэтому, если духовенству не свойственно вести запись браковъ, которые предъ взоромъ церковнымъ неправильны³⁾, то въ существѣ дѣла не слѣдовало вносить въ церковныя метрики и запись о рожденіи

¹⁾ Собр. мн. и отв. Уст. 25 п. 111. 503

скому начальству, ибо такое внесение записи о рождении дѣтей раскольническихъ не соотвѣтствуетъ назначенію церковныхъ метрикъ. «Назначеніе церковныхъ метрикъ, говоритъ Филаретъ, и церковная въ нихъ потребность, состоитъ въ томъ, чтобы православная церковь вѣрно знала своихъ чадъ, усыновленныхъ ей крещеніемъ, и потому правильно и безсомнительно могла преподавать имъ слѣдующія потомъ таинства. Изъ сего очевидно, продолжаетъ Филаретъ, что священникъ обязанъ записывать только православныхъ, крещенныхъ въ церкви, а раскольническихъ не обязанъ». Но это, по Филарету, только одна сторона дѣла, которую, по ея существенности, рѣшительно подлежало бы взять во вниманіе, если бы и на противоположной сторонѣ не представлялось обстоятельствъ, имѣющихъ право на уваженіе. Первой побудительной причиной къ записи въ церковныя метрики рожденій дѣтей раскольниковъ служитъ то обстоятельство, «что крещеніе, и раскольниками совершаемое во имя Пресвятыя Троицы, имѣетъ свою силу въ православной церкви»²⁾. Второй такой же причиной нужно считать важное практическое значеніе этихъ метрикъ для государства. «Церковныя метрики имѣютъ немаловажное значеніе въ гражданскомъ и государственномъ управленіи и употребленіе для ежегодной численности народа, такъ какъ ревизіи рѣдки; для повѣрки самыхъ ревизій, для удостовѣренія о принадлежности людей къ состояніямъ, для опредѣленія возраста ко вступленію въ права совершеннолѣтія и къ исполненію повинности рекрутской. Пріятно помыслить, что церковь приноситъ сіе служеніе государству безвозмездно, полагая на своихъ служителей бремя сіе и довольно трудную отвѣтственность. При усердіи къ пользѣ общей нѣтъ причины желать государству собственныхъ всенародныхъ метрикъ»³⁾; ибо для веденія ихъ «потребуется увеличеніе канцелярій полицейскихъ управленій и становыхъ приставовъ и, слѣдовательно, особыя издержки отъ казны»⁴⁾; такія метрики «были бы затруднительны для народа»⁵⁾. По правиламъ, составленнымъ для этихъ метрикъ, «о каждомъ случаѣ рожденія въ деревнѣ, заявитель и два свидѣтеля должны взять

1) Тамъ же, V т., ч. 2-я, 215. стр.

2) Собр. мн. и отв., II т. 454 стр.

томъ идти къ становому приставу, нерѣдко за 20 и болѣе версть, и, если онъ въ отсутствіи по службѣ, ждать его, не зная, долго-ли; или возвратиться, не зная, когда благонадежныѣ придетъ опять» ¹⁾. Наконецъ, гражданскія метрики «едва-ли достигли бы не только высшей, но и такой степени вѣрности, какой при дисциплинѣ іерархической достигаютъ метрики церковныя» ²⁾, ибо «трудно ожидать, чтобы записи заявленій были вѣрны» ³⁾. Вѣрность же и сохранность записей въ церковныхъ метрикахъ, обеспечивается тѣмъ, что за оныя отвѣтствуетъ приходскій священникъ съ тремя, или, по крайней мѣрѣ, двумя другими членами причта, что за исправностью сихъ записей, дважды въ годъ, надзираетъ благочинный; что по окончаніи года одинъ экземпляръ сихъ записей остается въ церкви, а другой представляется въ консисторію или духовное правленіе, гдѣ контролируется, даетъ статистическія таблицы и хранится» ⁴⁾. Третье побудительной причиной къ записи въ церковныя метрики рожденій дѣтей раскольническихъ служитъ то обстоятельство, что «раскольники не признаются въ государствѣ особымъ законнымъ сословіемъ», значить, «не можно сдѣлать особаго учрежденія для раскольническихъ метрикъ, ибо такое учрежденіе было бы признаніемъ раскольниковъ, какъ особаго сословія въ государствѣ» ⁵⁾. Послѣднія двѣ причины къ записи рожденій дѣтей раскольниковъ въ церковныхъ метрикахъ служатъ достаточнымъ основаніемъ, по мнѣнію Филарета, и для внесенія въ эти метрики записи о случаяхъ смерти раскольниковъ. Относительно же самаго способа и формы записей событій рожденія и смерти раскольниковъ, по мнѣнію Филарета, можно было бы постановить слѣдующія правила. 1) «Запись рожденія и смерти раскольниковъ ведется приходскими, по мѣсту жительства ихъ, причтами, по одинаковой съ метрическими книгами православныхъ формъ, въ видѣ отдѣльнаго прибавленія къ онымъ. 2) Заявленіе о сихъ событіяхъ причту дѣлается при двухъ свидѣтеляхъ, или, въ селахъ, при членѣ сельскаго управленія, которые и подписываютъ запись вмѣстѣ съ причтомъ. 3) О рождаемыхъ объявляется: въ бракъ или внѣ брака рождены, подъ

¹⁾ Собр. мн. и отз. V т., 2-я ч., 583 стр.

²⁾ Собр. мн. и отз. III т., 216 стр.

³⁾ Тамъ же.

же не входить въ дознаніе о законности брака. Если впоследствии понадобится удостовѣреніе о законорожденности, тогда можно будетъ утвердиться на полицейской записи брака родителей. 4) Объ умершемъ объявляется, въ какихъ лѣтахъ онъ умеръ, естественною-ли смертию, и, если знаютъ, отъ какой болѣзни. Такой порядокъ имѣлъ бы слѣдующія преимущества: 1) Заявителю рожденія и смерти и свидѣтелямъ, въ наибольшемъ числѣ случаевъ, ближе и удобнѣе дойти до сельскаго приходскаго священника, нежели до становаго пристава. 2) Изъ одного источника удобнѣе, нежели изъ разныхъ почерпать нужныя свѣдѣнія, справки и счетъ людей. 3) Священникъ получаетъ случай соприкасаться къ раскольникамъ, чтобы дружескимъ и доброжелательнымъ обращеніемъ съ раскольниками пріобрѣтать ихъ благорасположеніе, и открывать путь къ религіозному съ ними собесѣдованію, вмѣсто того, что теперь раскольники, по наущенію своихъ наставниковъ, не принимаютъ священниковъ въ свои дома, и священники не находятъ случаевъ войти съ ними въ сношеніе ¹⁾).

Отрицая въ расколѣ право семейное, м. Филаретъ высказывался также противъ допущенія раскольниковъ въ иконописные цехи. И при запрещеніи заниматься иконописаніемъ, раскольники не оставляютъ этого ремесла; «а получивъ на сіе право закономъ, съ большею силою будутъ распространять свои произведенія, вредныя для православія и для самаго искусства. Они не учатся иконописанію по правиламъ, не пишутъ иконы со старыхъ очерковъ, которые имѣютъ въ большомъ числѣ, и производятъ изображенія неправильныя, нерѣдко безобразныя, основанныя на ложныхъ преданіяхъ. Уже и теперь при написаніи или поновленіи иконъ въ православныхъ церквахъ, они усиливаются, при благопріятствѣ нѣкоторыхъ прихожанъ, распространять на иконахъ двуперстіе крестнаго знаменія; и священникамъ трудно сохранять неизмѣнными иконы, свидѣтельствующія въ пользу православія. При усиленіи раскольническихъ иконописцевъ, дѣло можетъ доходить до того, что въ нѣкоторыхъ церквахъ всѣ иконы получаютъ раскольническій видъ и сдѣлаются нагляднымъ доказательствомъ въ пользу раскола, къ совращенію православныхъ» ²⁾).

также права учреждать свои собственные школы. «Такое учреждение приближается къ признанію сословности раскольниковъ и ведетъ къ усиленію сепарати ма ихъ, тогда какъ для государства полезнѣе, чтобы сепаратизмъ ихъ уменьшался и не производилъ трещины въ общественномъ единствѣ» ¹⁾. Равнымъ образомъ м. Филаретъ отрицалъ право раскольниковъ посылать своихъ дѣтей въ общія училища безъ обязательнаго для нихъ обученія Закону Божию. Если раскольническій сынъ въ училищѣ совсѣмъ не будетъ думать о Законѣ Божіемъ, а въ родительскомъ домѣ будетъ находить только одно невѣжество и, можетъ быть, недобрый примѣръ, то, что будетъ съ его религіей? Поэтому дѣти раскольниковъ тогда только могутъ быть допущены въ общія училища, когда они, отказываясь слушать весь курсъ Закона Божія, по крайней мѣрѣ дадутъ обязательство «изучать символъ вѣры, молитву Господню и десять заповѣдей, употребляя, если хотятъ, старопечатныя книги».

Г. Добротинъ.
